

Падение Кимас-озера.

Геннадий Фиш

*(Избранные произведения в двух томах, том 1, Москва 1976,
стр. 13–114. Копия 4 ноября 2006 г. — не проверена.)*

Приказываю:

стр. 15

Прибыв на станцию Массельгская, сразу же выгрузиться и выступить всем отрядом по направлению к селу Реболы.

Задание, которое должен выполнить отряд, состоит в следующем:

Перейти линию военных действий и, вступив на территорию, захваченную противником, уничтожить все группы противника, которые встретятся на пути. Выяснив месторасположение руководящих органов противника, отряд должен двигаться к этим пунктам и всеми доступными средствами и способами ликвидировать указанные органы. После того как село Реболы будет освобождено от неприятеля, отряду двигаться на Кимас-озеро, не допуская при этом ни остановок, ни промедлений. По взятии Кимас-озера отряду идти к деревне Тикша на соединение с 88-м пехотным полком.

Неудача наступления на село Реболы не должна служить препятствием дальнейшей работе отряда. В этом случае село Реболы должно быть оставлено, и отряду всеми доступными путями продолжать движение к Кимас-озеру.

Сведений о состоянии и размерах сил противника в Реболах и Кимас-озере не имеется. По предположениям, штаб неприятеля находится в одном из этих сел. Все обнаруженные в глубоком тыле неприятеля склады припасов, вооружения и снаряжения уничтожить. Обо всех действиях отряда, как и об отношении населения к Советской власти, сообщать мне всеми доступными средствами, по возможности каждый день.

Командующий войсками Каррайона
А . С е д я к и н

Глава первая

Нужны лыжники на рискованное дело

стр. 16

Для военной учебы это было прекрасное время — три месяца в школе, три месяца практики на фронте.

На всех полях, где свистела сабля, во всех краях, где строчил пулемет, бывали наши курсанты.

Сам я, отступавший пешим порядком от Хельсинки, раненный в перестрелке под Териоками, вывезенный последним поездом через границу в Советскую Республику, дрался за нее под Царицыном, под Курганом. В 6-м Финсйком полку стоял за Медвежьей горой и в курсантском отряде в 1921 году отрезал бунтовавший Кронштадт от Финляндии.

Поэтому, хотя гражданская война уже и кончилась, никто из нас не удивился, когда в сумерках январского утра 1922 года перед прогулкой выстроили нас в коридорах длинных казарм бывшего кадетского корпуса.

— Хорошо бы опять на какой-нибудь фронт! — успел прошептать мне мой дорогой приятель Армас. — И белых бы поколотили, и паек бы большой получали.

Но его шепот был остановлен резкой командой:

— Смирно!

Мы замерли.

Начальник школы товарищ Инно и комиссар Ровио были необычайно торжественны и, пожалуй, чрезмерно серьезны.

— Нужны двести человек, умеющие отлично ходить на лыжах, на очень рискованное дело!

Нас было больше трехсот, и почти все мы умели бегать на лыжах, и все без исключения рвались на рискованное дело. Самому старшему из нас едва ли было двадцать четыре года.

Все мы желали идти и подняли руки. Видя такое единодушие, комиссар товарищ Ровио поблагодарил нас от лица службы и сказал, что двести нужных для дела ребят отберет врач школы.

Днем занятия шли как обычно.

В пулеметном классе командир роты Тойво Антикайнен разобрал несколько пулеметов разных систем. Все детали смешал и положил в мешок. Мы должны с завязанными глазами вытаскивать эти детали и на ощупь определять их.

Я был так занят тем, что произошло утром, что спутал деталь «максима» с деталью «льюиса». Но в эту минуту, к счастью, меня вместе с Армасом вызвали к врачу.

Врач признал Армаса и меня годными к походу.

Армас спал на койке справа от меня, голубоглазый Лейно — слева. Были мы трое неразлучными товарищами в горе и радостях. Родившись в разных местах нашей прекрасной суровой Суоми, мы все прошли по ней в восемнадцатом году в рядах Красной гвардии, чудом остались в живых, и, хотя нам всем троим вместе не было и семидесяти лет, нам пришлось увидеть больше, чем столетним старикам.

Но, черт побери, мы были молоды так же, как и сейчас!

— Армас, — сказал я в тот вечер, прибирая койку ко сну, — зачем ты поднял руку? Ведь ты металлист и сам признавался мне раньше, что на лыжах ходить не пробовал.

— Молчи, Грен, — спокойно ответил Армас, стаскивая с ноги сапог. — Я хочу драться с белыми, и мне кажется, что на этот раз это будут лахтари;¹ я не могу оставаться в школе, когда ребята будут драться. Может быть, это малодушие, но я прощу — не выдавай меня. К тому же три раза я ходил на лыжах.

Мы не могли даже представить себе трудности предстоящего пути. Желание Армаса казалось мне вполне обоснованными, притом же хотелось видеть его рядом с собой во всех передрыгах — слишком много было вместе пережито, передумано, переговорено. Переговорено — это, пожалуй, больше всего относилось к Армасу. Не в пример всем, Армас был очень разговорчив. Он прямо так и сыпал разные анекдоты и рассказы об удивительных приключениях. Мы с ним прожили вместе, не разлучаясь, четыре года, и я не припомню, чтобы хоть раз он повторился. Но он

¹Л а х т а р и — в переводе на русский язык означает «мясники». Так трудящиеся Финляндия и Карелии называл белогвардейцев. (Здесь и далее прим. автора.)

был изобретателем не только в рассказах. Все время корпел он над разными усовершенствованиями в оружии, в быту. Бывало, ночью разбудит и спросит: «Как ты думаешь о том-то и том-то?»

Нет, я никому не сказал о лжи Армаса.

стр. 18

Через минуту Армас уже спал. На ноги была наброшена шинель. В те годы казармы отапливались не так, как нынче.

Шинель была с «разговорами», образца 1921–22 годов, — так сказать, древнерусского стрелецкого покроя, с переходящими с одного борта на другой малиновыми мостиками.

Все это выглядело бы на парадах весьма красиво, но в бою становилось отличной мишенью для неприятельских стрелков.

Койка Лейно пуста: он ушел в наряд. Высокого роста, Лейно по праву был правифланговым, и койка была ему мала: чтобы уместиться на ней, Лейно должен подгибать ноги. «Завязывается узлом», — смеялись над ним ребята.

Глава вторая

Мы отправляемся на фронт

Как мы пели!

Мы пели песню восемнадцатого года — финскую баррикадную песню. В теплушке было по-настоящему тепло.

Лыжи лежали вповалку — выбрать их было нелегко. Целый день привозили их на наш двор со всех частей и складов гарнизона. Мы отбирали те, которые нам по нраву: хапавези — длинные, благородные, тонкие; муртомаа — беговые, дорожные; парные, разрозненные, с ременными завязками, с проволочными креплениями.

Никогда в жизни до тех пор я не видел столько лыж, собранных вместе. Весь день ушел на отбор лыж. Мы гнули их, просмаливали и смазывали у трескучих костров.

Лыжи я отбирал для себя, для Лейно и Армаса.

Лейно находился в тот день в наряде и только к вечеру, когда мы были уже выстроены, вернулся и, запыхавшись, попросил у начальника разрешения стать в строй. Вот почему всю дорогу в теплушке он спал так крепко, что даже наша песня не могла его разбудить.

Армас весь день чистил мне, Лейно и себе винтовки и набивал наши рюкзаки — «обезьянки» — выданным на дорогу продовольствием и стр. 19 вещами, необходимыми во всяком долгом пути.

Мимо бежали черные в зимней ночной мгле хвойные леса.

Кипятильники на станциях не действовали. Мы набирали снег в котелки, пили в теплушках дымящийся чай, похрустывая сахаром, и пели.

— Командующий меня спросил, — говорит Армас, — здоров ли я, проверил обмундирование и только забыл спросить, умею ли я ходить на лыжах. Разумеется, я ему ничего не сказал.

— Ты уж молчал бы лучше! — отвечаю я Армасу.

И дальше нас перебивает песня.

Наш поезд, пробираясь через снежные заносы, разбрасывая крупные искры, шел на север.

Мы ехали в Карелию. Через год после Кронштадта мы снова получили боевую практику.

Постепенно песни затихали. Спать не хотелось.

«Надо заснуть, — сказал я себе, — неизвестно, придется ли спать завтра».

И, слушая ровное дыхание Лейно, вспоминая о том, как нас провожали с вокзала, укачиваемый добрым стуком колес, я заснул.

Проснулся уже под утро. Было еще темно.

Мы стояли на каком-то разъезде.

Встречный поезд был составлен из классных вагонов, теплушек, санитарных вагонов. Он шел на юг.

Я выскочил на воздух, наскоро умылся снегом и пошел к санитарным вагонам. Я надеялся найти знакомых, чтобы расспросить очевидцев, и не ошибся.

В потемках рассвета в вагоне, слабо освещенном мигающей свечой, где, мешая стоны с руганью, лежали раненые, меня кто-то окликнул:

— Матти! Ты ли это?

А так как это был именно я — меня зовут Матти Грен, — то я подошел к койке, откуда раздался этот слабый окрик.

— Прости, не могу подать тебе руку: она меня отморожена.

Мигание свечи, не разгоняя сумрака, мешало мне рассмотреть лицо говорившего. Я с трудом узнал его.

Раухалахти — мой товарищ по мастерской в Хельсинки, мой товарищ по териокскому отряду Красной гвардии, работник Карельской трудовой коммуны — лежал передо мной без движения. В нашей неожиданной встрече не много было радости.

Раухалахти за полчаса, что простоял наш состав на полустанке, рас- стр. 20
сказал столько интересных вещей, сколько иной раз и за год не придется услышать.

— Все дело, Матти, в том, что наши бойцы не знают местных условий: ни этих проклятых незамерзающих болот, ни этого дикого бездорожья. Красноармейцы не умеют ходить на лыжах, а лахтари ходят на них отлично — они проскакивают без дорог в тыл, они перебегают через границу.

Еще с осени они переходили поодиночке и группами через границу, собирались в лесах, у озер, в рыбацких банях, сторожках, накапливали оружие, а у нас по всей Карелии, по всей тысячеверстной бездорожной границе с трудом насчитывалась тысяча бойцов, и то в мелких, разрозненных отрядах.

Когда началось «движение» — ты только подумай: эти белые прикрываются именем «Калевалы»² — по нашим деревням ездил седобородый старик, торговец из Тунгуды, — он называл себя Вяйнямёйненом — и агитировал сразу и за независимость Карелии, и за присоединение ее к Финляндии.

С самого начала «движения» к этим лахтарям примкнули кулаки и зажиточные. Мы даже приблизительно (ты знаешь, какие у нас пути сообщения, — птица крыло сломит!) не представляли себе размеров восстания, а когда стали поступать запоздавшие сведения и мы посылали телеграмму за телеграммой в центр, там совсем недооценивал серьезности положения и в своих запросах иронически относились к нашим сообщениям.

Потом стали посылать людей, совсем не подготовленных к нашим условиям.

Я обморозился под Кокосальмой.

Мы на рассвете вышли из Кестеньги в Кокосальму, которую занимали лахтари.

Ты себе представь: всего-навсего одна проходимая тропа!

К десяти утра мы были уже у озера — всего тысяча двести шагов от Кокосальмы — и стали разворачиваться на глазах у белых. Разворачивались мы два часа.

В двенадцать командир приказывает: «В атаку!»

Заметь себе, что белые совсем не стреляли, не подавали даже признаков жизни. Нам надо было пройти около версты по занесенному глубоким снегом озеру. стр. 21

Позади подтянули на руках мелкокалиберное орудие. Оно за весь бой выстрелило всего раза четыре, и то каждый раз снаряды, попадая в липкий, вязкий снег, не разрывались.

²«К а л е в а л а» — финская эпическая поэма, составленная из народных песен — рун. В ней говорится о создании земли и неба, светил и орудий труда. Главный герой — легендарный Вяйнямёйнен, создававший земной мир силой своих песнопений. Там же действует сказочный кузнец Илмаринен, который выковал чудесную мельницу-самолетку — сампо — символ народного счастья.

Как только мы сошли с тропы, сразу провалились по пояс в густой снег.

Идти было очень трудно.

Каждые десять–пятнадцать шагов надо было останавливаться, чтобы передохнуть.

Так мы стали выдыхаться, не пройдя и четверти расстояния до деревни.

В движении мы потели от напряжения, но на остановках начинали мерзнуть.

Я тянул «максим», а двигаться с ним, сам понимаешь, по этому снегу было не очень весело. Но самое тяжелое было еще впереди.

Продвигаясь по льду, мы вдруг почувствовали под ногами воду. Здесь и так бывает: вода выступает поверх льда. Скоро она стала доходить до колен, и уже примерно в четырехстах шагах от противника весь наш отряд провалился по пояс в талую воду. Идти дальше было невозможно.

Лахтари, хорошо знакомые с местностью, очевидно, только этого и дожидались. Они открыли спокойный прицельный ружейный огонь и угощали нас внезапными пулеметными очередями.

Я стал налаживать свой «максим», но ты пойми: весь день температура ниже тридцати семи градусов по Цельсию — вода в кожаных сапогах так замерла, что пустить пулемет в дело было невозможно.

У многих ребят заоченели пальцы, трудно было сладить со спусковыми крючками винтовок.

Я выхватил у одного красноармейца из отороженных рук винтовку и, когда командир скомандовал: «Огонь!» — нажал спуск, но — черта с два! — из всего нашего отряда раздалось только семь–восемь выстрелов — честное слово, не больше.

Моя винтовка отказывалась стрелять, винтовки ребят тоже бездействовали. Видишь, в чем дело: в затворе от холода ударники примерзли к пружинам. Обмундирование же наше не ахти какое, и если замерзла сталь, то что было с людьми! И все это под точным, метким огнем лахтарей, которые, надо отдать им справедливость, были с выдержкой.

Ты не забудь, что мы находились по пояс в воде. Понятно, ни о каком продолжении атаки не могло быть и речи.

Мы зарылись в снег, чтобы дождаться темноты. Лежали больше трех часов, и, как мы приветствовали наступление ночи — сам поймешь. стр. 22

Под прикрытием темноты стали отходить назад. К счастью, беляки нас не преследовали.

Когда мы подползли к тому месту, где оставалось орудие, мы поняли, почему оно почти бездействовало. Командир орудия отморозил себе руки и ноги, стоя на наблюдательном пункте. Его посиневшее лицо казалось совершенно мертвым, и на щеках видны были крупные слезы. Не успев сползти по небритой щеке, они превращались в ледышки.

Я видел, как наши замечательные ребята до того утомились, что стали безразличными ко всему.

Некоторые ложились на дорогу и лежали совершенно без движения, распластавшись, пока их подобрал подошедший обоз.

На обратном пути, при отходе по дороге через болота, наше орудие со всеми снарядами провалилось под лед, в воду, на глубину двух метров.

С политруком во главе три часа работали в болоте при двадцатипятиградусном морозе — и пушку и снаряды вытащили. Какие прекрасные ребята наши артиллеристы!

Лошади и те из строя выбыли. Ну и я, конек-скакунок, без одной руку в Питер, в госпиталь еду...

Он горько улыбнулся.

Свеча уже совсем оплыла. Зимний рассвет заливал белые снега серым светом, который пробивался в вагоны санитарного поезда.

Паровоз загудел.

От толчка проснулись раненые, застонали, заворчали, заворочались.

— Раухи, — спросил я, пробираясь уже к выходу, — что думаешь ты обо всей кампании?

— Что думаю! Наши на лыжах ходить не умеют, следовательно, лахтари сумеют дотянуть до весны, а весной, летом, осенью здесь воевать совсем невозможно: болота, озера, снова болота — бездорожье такое, что во многих волостях только на волокушах³ и передвигаются.

— А тем временем белые будут орудовать в Лиге нации от имени стр. 23 самозванного карельского правительства!

Мы торопливо простились:

— Прощай, Матти!

— Прощай, Раухи!

³В о л о к у ш и — бесколесные повозки, два длинных шеста, которые волочит по земле, по болотистому бездорожью лошадь.

Я прокричал мой прощальный привет, уже соскакивая с подножки санитарного вагона.

Какие задания мы получим?

Неужели наш курс обучения будет прерван на целый год?

Всеми этими мыслями я поделился с ребятами.

Глава третья

Мы получаем боевое задание

На Армаса было забавно смотреть: у него вначале лыжи разъезжались в разные стороны, и он чуть не падал носом в снег, затем, наоборот, начинали съезжаться, обליжаясь и перекрещиваясь.

Он беспомощно болтал палками, стараясь раскрестить лыжи не падая. Правда, при этом он, срывая свое смущение, без умолку болтал.

Один раз он сошел с лыж в сторону от лыжни, чтобы развести их, и сразу провалился по пояс в снег.

Усталый, вспотевший, он с трудом поспевал за своими товарищами (ведь всего четвертый раз в жизни он вставал на лыжи!).

Я был назначен командиром взвода. Армас попал ко мне — это был его выигрыш. Лейно командовал отделением.

— Может, тебе лучше было бы остаться? — спросил я Армаса, когда он на легком повороте зацепился за свою же собственную палку.

Армас обиделся:

— Я доберусь до них, я буду бить беляков! Ты увидишь, как я пойду завтра, послезавтра. Велика важность — ходить на лыжах!

Больше всего Армас боялся упасть.

Подниматься было с непривычки трудно. Защитный белый балахон путался под ногами.

Из всего обмундирования привычным был только шлем. Валенки, бараний полушубок, шаровары на вате были новинкой; сверх этого трехлинейная, а ту кого и автомат через плечо, по двести патронов у пояса, полотенце, веревочка, в мешке хлеб, консервы, шпик, масло, сахар и по фляге спиртного — всего на человека двадцать кило. стр. 24

Мы вышли со станции Массельгской без всякого обоза. Всё — на себе. Выданное довольствие указывало на предстоящее нам большое дело, но

в чем оно будет заключаться, никто еще не знал. Мы шли в колонне по два.

Снег был рыхлый. Головной лыжник проваливался в него по колено, но шел вперед, прокладывая лыжню, преодолевая отчаянное сопротивление мягкого, легкого, нежного снега. Через сотню метров головной лыжник выдыхался, и его заменял следующий — из этого же отделения. Так сменялись головные внутри отделения. Так же менялись и сами отделения — в голову колонны на смену одному шло другое.

Мы продвигались быстро только потому, что нас было много: пять—шесть человек в этом снегу выдохлись бы окончательно на десятом километре.

Армас — передо мной. Я взял у него часть его груза, говоря, что, когда он научится хорошо ходить на лыжах, пусть сделает то же самое для меня. Умению Лейно бегать на лыжах я, признаться, немного завидовал.

Он шел, легко скользя впереди нас по насту, широким шагом, ловко взмахивая палками. Он был первоклассным лыжником и поэтому почти все время или шел впереди, прокладывая лыжню для отряда, или уходил в разведку.

С каким наслаждением вдыхал я свежий морозный воздух!

Идти было, по-моему, нетрудно: почти все время по дороге.

Быстрая ходьба на лыжах, радующая после казармы свежесть воздуха, настоящая молодость и сознание, что скоро придется встретиться в упор с врагом — все это бодрило, и мне хотелось петь.

И не одному мне, очевидно, хотелось петь, потому что сзади кто-то затянул боевую песню, но строгий окрик крепкого, словно из одного куска камня выточенного, командира первой роты Хейконена прервал песню и дал с еще новой остротой почувствовать всем, что мы действительно находимся на фронте.

Я знал, что темп нашего движения многим ребятам не под силу, и, оглянувшись, увидел, что отряд растянулся не меньше чем на километр.

Армас все еще шел передо мной, но по катящемуся градом с его лица поту, по необычайной сосредоточенности серых глаз видно было, что это доставалось ему нелегко.

Скоро я увидел на спине Армаса небольшое влажное пятнышко. Оно постепенно разрасталось... Это пот прошиб полушубок и вышел на балахон. Когда пятно это увеличилось до размера человеческой головы, Армас сошел с лыж и сказал мне:

— Я пойду в хвосте...

Потом уже по величине пятна на спине я легко определял, сколько километров он еще может пройти без отдыха.

Лейно ушел далеко вперед.

Отдельные отстающие товарищи едва были заметны позади.

— Вперед, товарищи! В Паданах у нас будет большой привал, — ободряя, громко сказал Хейконен, и мы вошли в лес.

Мы шли лесом. Это был настоящий карельский мачтовый сосновый лес.

Капюшоны слетали с головы, когда мы пытались взглянуть на оснеженные ветви вершин. Это был строевой и перестойный лес.

Дороги уже не было. Мы вышли из лесу и пошли по Сегозеру.

Белых мы еще не встречали.

Если бы не патроны у пояса, винтовка через плечо и груз за спиной, всю нашу прогулку можно было бы представить спортивным состязанием.

Меня уже начинал тяготить груз, и левая нога слишком свободно ходила в валенке. Остановившись на секунду на одном повороте, я почувствовал в пятке какое-то жжение.

«Верно, натер ногу», — подумал я и хотел спросить, а как обстоят дела у Армаса, но его рядом со мной не оказалось.

«Отстал», — пришло мне в голову.

Оглянувшись, я увидел, что отстал не один Армас, а еще несколько ребят, среди них и Каннер. Он был до поступления в Интернациональную военную школу известным борцом и не на одном состязании выступал как чемпион Финляндии. Арены многих цирков, наверно, до сих пор помнят его неуклюжую, медвежью ловкость, поэтому если отстал и Каннер, то Армаса нельзя было корить.

Зимняя ночь наступает быстро, но мы шли быстрее, чем зимний день.

Мы не тренировались, но за нас — наша свежесть, бодрость, молодость и тот азарт, с которым мы взялись за дело. Поэтому часам к девяти вечера передовики входили уже в Паданы — большую деревню на берегу Сег-озера. Это была последняя деревня по нашу сторону фронта. Дальше, за деревней Лазарево, начиналась сторона белых.

В Паданах мы расположились по избам, выставив охранение.

В эту ночь в охранении я не был и спал как убитый. Ведь мы проделали переход в семьдесят километров!

Никаких снов. Наверное, ни одного движения за ночь я не сделал. Разбудил меня Армас, дергая за валенок.

Был зимний рассвет.

Армас изнемогал от усталости, но явно торжествовал.

— Товарищ командир, — сказал он, — я пришел не вовремя, но все же пришел. Позади осталось довольно много ребят...

Здесь ему уже явно не хватило сил продолжать свою речь.

Он свалился и захрипел, лежа на полу в очень неудобном положении.

Лейно, пришедший из охранения, устраивал себе в углу постель из можжевельника. Он осторожно подтянул на постель Армаса, расстегнул ему пояс и снял со спины винтовку.

— Не думал, что он дойдет, — сказал Лейно, обращаясь ко мне. — Матти, вставай в караул.

Я никогда не испытывал в жизни такой тупой и одновременно острой боли, которая охватила мышцы всего моего тела, когда я начал приподниматься с лавки. Так бывает со всеми, когда после большого перерыва начинаешь снова тренироваться на лыжах, в ходьбе, беге, футболе, борьбе.

Эта приятная боль в мышцах, которую большинство мальчишек переносят с гордостью, превратилась сейчас в трудно-переносимую боль, возникавшую и, казалось, даже усиливавшуюся с каждым новым движением. Болели бицепсы, мышцы шеи, мускулы ног, но больше всего ныли мышцы живота. Трудно было сгибаться, но еще труднее, казалось, было выпрямляться. Такое ощущение было не только у меня, но и у всех. Медленно, со стонами, с побряхтыванием вставали с места. Даже Лейно растирал бицепсы.

— Энергичнее, быстрее двигайся, Матти! Больше двигайся! — бросил он мне. — Тогда все скорее пройдет.

И я начал двигаться.

Мы снова выступили в поход.

стр. 27

Мы оставляли озеро и входили в глубокий лес, и, если бы не узкая, но накатанная дорога, я сказал бы: нетронутый лес.

Отряд наш значительно поредел. В самом хвосте, посеревший, молчаливый, угрюмо передвигал ноги Армас.

И вдруг — голос нашего командира Антикайнен:

— Враг слева! Развернуться в цепь — вперед!

Дорогой Армас! Если тебе доведется когда-нибудь прочитать эти строки, ты вспомнишь, как мы разворачивались в цепь, быстро повернувшись в указанном направлении, как быстро летели вперед, теряясь в глубине соснового леса, как горели нетерпением, мечтая встретиться лицом к лицу с проклятыми лахтарями, как были разочарованы, когда узнали, что это только маневры, что никакого врага нет, что это учеба!

Особенно помню, как злился ты. Тебе-то каждый поворот с грузом за плечами, каждый такой маневр проделывать было очень трудно. Ты напрягал все свои силы, стискивал зубы и шел вместе с другими.

«Захватив» таким образом деревушку, Антикайнен расставил по дорогам караулы, чтобы научить нас никого не выпускать из деревни; расположил бойцов по избам, чтобы научить, как нам размещаться после захвата деревни.

Затем мы снова шли дальше, шли быстро по морозу. Видно было, что в этих местах недавно еще бушевали вьюги. Дорога была занесена глубоким снегом, а местами и совсем исчезала.

В этот же день мы пришли в Гонга-наволоок. За деревней сразу началась территория, занятая белыми.

Расположив взвод в теплой избе, сбросив с себя вещевой мешок, проверив, действует ли затвор трехлинейки, я пошел по дороге назад, чтобы помочь Армасу.

Отряд очень растянулся: по дороге шли еще наши ребята, вспотевшие, с расстегнутыми полушубками. Я приказал одному застегнуться: не нянчиться же нам с воспалением легких, в самом деле! У многих вид был совершенно измученный; другие проходили несколько шагов и останавливались, морщась от боли. Потертости давали себя знать.

В пяти километрах от привала я встретил Армаса.

Не обращая внимания на это ругань, взял себе его «обезьянку»; винтовку он так мне и не отдал.

— Есть потертости? — спросил я на ходу.

— Нет, ответил он. — Я ведь понимаю, в чем дело: я портянки на- стр. 28
вернул как полагается. Из того, что я не умею пока порядочно бегать на лыжах, не следует еще, что я ничего не смыслю. Если бы не эта проклятая боль в мышцах, я шел бы лучше многих из вас.

Было уже темно, когда мы входили в деревню. В избе я снял валенок. Натертость на пятке превратилась в водяной пузырь. Я достал иголку,

проколол пузырь и бережно обмотал ногу. Больше подобной глупости я не повторю — нога мне еще нужна.

Армас уже храпел в углу.

Дверь распахнулась. В избу, не торопясь, вошел Лейно и сразу как-то заполнил собой всю горницу. Он уселся на лавку, вытащил из сумки карту-десятиверстку и протянул мне:

— Вот тебе карта. По ней ты должен отмечать весь путь своего взвода. Всем комвзводам, отделкомам и прочим командирам ее дали. Я взял и для тебя.

— Какой путь должен я отмечать? — удивился я.

— Жаль, что ты куда-то запропастился и не был в штабе, — ты прозевал много важного, но я тебе расскажу.

Лейно глянул в угол, где храпел Армас.

Под лавкой возился кот. Он разжимал свои когти, и из-под лапы выкатывался серый клубок — это была мышь. Не дав ей отбежать и на полшага, кот, неожиданно пригнувшись, мягко прыгал, опускаясь на свои легкие когтистые лапы.

Лейно подошел к двери и сделал мне знак идти за ним:

— Здесь нас могут подслушать, а дело абсолютно тайное.

Вслед за нами из дверей на крыльцо вырвалось белое облако пара. Снег заскрипел под ногами.

— Как живот?

— Лучше, Лейно.

На небо выползали северные звезды. Мы стояли посреди широкой улицы.

— Здесь нас никто не подслушает. По этой карте ты будешь отмечать путь, по которому пройдет твой взвод и весь наш отряд. Мы идем на лыжах. Командир Инно и товарищ Ровио на лыжах ходят неважно, поэтому они со штабом остаются здесь ждать нашего возвращения или известия о нашей гибели. Отряд выходит в составе двух рот — командиры Хейконен и Карьялайнен; пулеметная рота Тойво Антикайнен разделяется между ними, а командир пулеметной роты Тойво Антикайнен назначается командиром всего отряда, его помощник Суси — начальником штаба. Ты ведь знаешь Антикайнена.

О да, Антикайнена я знал более чем хорошо: это ведь после его горячей речи на митинге молодежи в Хельсинки вступил я в революционный союз молодежи, а затем в партию. стр. 29

Он строитель, а я металлист. И всего-то на два года он старше меня. Сейчас ему двадцать три года.

Какой молодой рабочий Хельсинки не знал организатора комсомола, яростного и проникновенного оратора, непреклонного коммуниста — товарища Тойво Антикайнена!

Я знал его отца. Это был мрачного вида обойщик, который, однако, как передавали, любил пошутить, когда был трезв.

Но трезвым я его никогда не видел.

Кто из нас не помнит речей Антикайнена! Они заставляли ненавидеть врага, сжимать кулаки, стискивать зубы.

Он заставлял нас плакать о погибших товарищах и с восторгом идти в бой, чтобы воздать врагам по заслугам. А заслужили они все-таки в тысячу раз больше, чем мы им заплатили.

Но когда я начинаю вспоминать, как они расстреливали всех раненых таммерфорского госпиталя, как они обращались с пленными красногвардейцами, когда я вспомню то, что они делают сейчас, я начинаю волноваться. А мой рассказ требует полного спокойствия.

В прошлом году я ел кашу, сваренную Антикайненом. Он был начальником заставы у станции Горской, когда мы стояли против взбунтовавшегося Кронштадта. Мы уходили в дозоры, и он оставался в избе совершенно один. Не мог же он отрывать от дела человека, чтобы тот был кашеваром! Вот он, командир роты, сам и варил своим красноармейцам кашу.

Да, я отлично знал Антикайнена, а что нашему командиру было всего лишь двадцать три года, это нас тогда не смущало: большинство из нас были моложе. И только хмурый широкоплечий командир второй роты Карьялайнен да командир первой роты Хейконен, голубоглазый, подобранный рабочий-мраморщик, организатор красногвардейского отряда гранитников-мраморщиков, имели от роду по двадцать восемь лет.

А быстрому парнишке Пуллинену, сыну железнодорожника, только что стукнуло восемнадцать. Столько же было и Вуоринену, один брат которого убит у Белоострова при переходе через границу, а другой томится в финляндской каторжной тюрьме.

— Наше задание, — оглядываясь по сторонам, полупшепотом продолжал Лейно, — такое: пройти незаметно через фронт и тыл лахтарям. Идти с максимальной быстротой, на какую только способны. Ничего лишнего с собой не берем. Никакого обоза — все на себе. Мы должны дойти незаметно. Для этого надо уничтожить все вражеские отряды до Ребол

стр. 30

и постараться уничтожить штаб лахтарских войск и все склады боевого и прочего питания в этой центральной базе. Возможно, однако, что штаб находится не в Реболах, а в Кимас-озере. Тогда, захватив Кимас-озеро, мы должны уничтожить штаб белого руководства и все склады. С какими силами нам придется встретиться, неизвестно. Сколько штыков у белых в Реболах и в Кимас-озере, неизвестно. Предположительно, человек по четыреста — пятьсот. Основная задача: пройти по тылам, уничтожить склады, а главное — органы управления. Надеяться можно только на себя и на быстроту, неожиданность и удачу. Предприятие более чем рискованное.

Утром надо быть готовыми к отходу. Выяснилось, что из двухсот человек, отобранных в школе, только около ста тридцати могут идти дальше. Остальные натерли ноги, заболели или «просто не могли двигаться с такой быстротой», как сказал Армас.

Я невольно улыбнулся, вспомнив эти слова.

В том поручении, которое мы должны выполнить, было очень много, так сказать, спортивного интереса. Мы изучали историю военного дела, и я уверен, что такое предприятие не пытались осуществить ни Александр Македонский, ни Наполеон, ни Жоффри, ни Гинденбург.

А когда я получаю возможность вплотную встретиться с врагом, который сжал в кулак мою родную Суоми, с врагом, который хочет уничтожить мою Советскую власть и проделать у озер Карелии то, что проделано у озер Суоми, и когда и от меня зависит выбить ему зубы, то, извините меня, я весь загораюсь и дрожу от нетерпения.

Да, на ноги надо лучше наворачивать портянки, потому что теперь ясно: только одни ноги могут донести меня до лахтарей.

Я разложил карту на лавке и стал измерять расстояния. По линии полета птицы надо было забраться в тыл противника километров на триста. Никаких дорог не предвидится: напротив, досадные горизонталли указывали на крутизну. Карта говорила о труднопроходимых лесах и болотах. Болота, если они замерзающие, — это полбеды. Но такие подробности на десятиверстку не нанесены.

Эта карта и по сегодняшний день хранится у меня на дне моего дорожного сундука. Правда, здорово измятая, с красной линией прочерченного карандашом пути.

Мне было ясно, что Армас с нами не пойдет, а останется здесь, в отряде «шатунов», как окрестил отстающих товарищ Антикайнен. По стр. 31

этому, когда Армас проснулся на секунду и, поворачиваясь с боку на бок, спросил меня, что нового, я пробормотал:

— Спи. Ничего особенного не произошло.

Надо было скорее засыпать. Выступление назначено на утро. Курс — на деревню Пененга.

Я прочертил по карте путь на эту деревню в тот же вечер, совсем не подозревая, как мы его пройдем.

Глава четвертая

Мы переходим массельгское ущелье

Мы вышли строем. С утра было очень холодно. Идти надо было без дорог, через нетронутую целину, через лес — карельский, сосновый.

Мы шли быстро, переводя на ходу дыхание. Груз давал себя чувствовать.

Ремень стягивали грудь, затрудняя дыхание.

Шли быстро, уверенно и знали, что жизни наши и жизни тысяч людей, может быть, и исход всей зимней кампании находятся сейчас в наших руках, точнее — в наших ногах.

Я не напрасно выбрал себе лыжи-хапавези: товарищам, выбравшим горные телемарки и беговые муртомаа, идти было гораздо труднее.

Мы всё тащили на себе: и патроны и припасы. Если бы пища вышла до срока, пожалуй, можно было бы настрелять дичи.

Вспугнутые птицы поднимались при шорохе наших лыж. Изредка, удивленная дыханием, вырвавшимся из сотни грудей, выскакивала на склонившуюся от тяжелого снега ветку белка и снова пряталась. Но еще перед самым отправлением Антикайнен запретил нам стрелять без приказа.

Ни одного лишнего выстрела, ни одного громкого разговора. Никто не должен нас видеть, никто не должен нас слышать, мы должны быть внезапны, как разрыв сердца. Поэтому... поэтому иди дальше, выполняй свой долг перед революцией и не думай о разной дичи. стр. 32

И мы шли так час. Прошли километров десять, и снова отряд растянулся.

Лейно ушел вперед прокладывать лыжный след по лесу, и тут, на десятиминутном привале, я вдруг увидел Армаса. Он шел с отрядом и

на первый взгляд устал не больше других. Встретив мой удивленный взор, он улыбнулся и процедил сквозь зубы:

— Антикайнен мне разрешил идти с отрядом. А ходить на лыжах я уже почти научился.

И мы снова пошли вперед.

Мы шли, теряя себя в движении, быстро отталкиваясь палками и широко передвигая ногами, всей ступней ощущая горячую и уже мокрую — не разобрать, от талого снега или жаркого пота, — портянку, целиком отдаваясь этому опьяняющему ритму бешеного движения, мелькания палок, шипения поддающегося лыжам снега.

И мы находили себя в этом движении. Каждая мышца, напрягаясь, утверждала твое существование, каждый свежий глоток соснового воздуха, проходя через все тело, звенел в каждой артерии, каждый мелькающий обомшелый ствол, каждая жаркая капля пота говорили, ликуя: «Ты живешь, ты идешь, ты двигаешься».

Так же мы будем идти по снегам Суоми, когда она сбросит с себя ярмо, в которое ее вогнали вильгельмовские солдаты. Она опять будет принадлежать нам, рабочим Суоми. Так же быстро пойдем мы по ее снегам, каждой частицей кожи будем вдыхать прозрачный воздух, в каждом шаге ступней ощущать почву родины своей.

Кто из нас не испытал горькой боли расставания с тобой, потери тебя! Тому, кто не сжимал в отчаянии винтовку, расстрелявшую все патроны, кто не видал, как куст за кустом, канава за канавой, дерево за деревом отходят от нас врагам; тому, кто не испытал отчаянного ощущения беспомощности; тому, кто не перешел границы с последним отрядом красногвардейцев, отступая от в тысячу раз сильнее врага; тому, кто не испытал этой последней секунды на последней клочке своей земли, — тому трудно понять всю тяжесть потери родины. О, мы помним горе утраты и митинг перешедших границу эмигрантов в городе Ленина, в Мариинском театре, и полузаброшенное, пустое здание казармы на Марсовом поле, отведенное для них, и сдерживаемые рыдания наших сестер.

Мы сердцем с тобой, Суоми! Мы еще покажем себя лахтарям, которые напали на Карелию и хотят ее прикарманить, хотят сделать здесь то же, что сделали там.

стр. 33

Отряд остановился.

Впереди чернели у озера рыбацьи избушки. Около одной с поднятыми руками стояли три человека не совсем обычного вида.

Антикайнен вошел в избу; лахтарей, предварительно обыскав и обезоружив, ввели вслед за ним.

Лейно подошел ко мне:

— Я их захватил. Шел впереди, прокладывая лыжню, и вдруг вижу — вьется над хижинами дымок, синеватый такой, как от сырых ветвей. Подхожу. Распахиваю дверь. «Руки вверх!» — и все они, голубчики, как в клетке.

Антикайнен вышел из избушки:

— Товарищи, на два часа привал!

Мы развели костры.

Линия, прочерченная на карте, дважды промеренная спичкой, говорила, что мы уже прошли сегодня двадцать пять километров.

В котелках (у нас был один на четверых) растопился снег и вода начинала пузыриться. Я огляделся. Армаса не было.

«Опять отстал», — подумал я и даже немного встревожился, потому что мы уже были далеко в неприятельском тылу.

— Дурак! — выругал я вслух своего друга.

Из избы вышли Антикайнен, адъютант Суси и командиры рот Хейконен и Карьялайнен. Суси подошел к нашему костру и сказал:

— Эти трое имели задание проникнуть в наш тыл; они имеют явки в Петрозаводске, в Медвежьей горе. Они должны были взрывать наши железнодорожные мосты, водокачки и вообще вредить. Но они принесут нам вместо вреда пользу.

— Если они сразу признались, значит, соврали, — сказал Лейно.

— Ну, для того чтобы развязать им языки, быстро ответил Суси, — пришлось мне полностью опустошить... — И он шлепнул ладонью по фляжке, в которой полагалось быть спирту. — Я ведь сам непьющий, как Антикайнен, а вот они совсем наоборот — даже повздорили между собой из-за того, кому больше глотков досталось. — И он продолжал, уже немного встревоженно: — Они сказали, что в Пененге, — адъютант ткнул пальцем в мою карту, — вот видишь, отсюда по прямой километров двадцать пять, — есть застава с финскими офицерами. Они нам будут проводниками. Их документы утверждают, что их четверо, а налицо трое. Как бы не прозевать одного! Если он проскользнул незамеченным к нам в тыл, он там, пожалуй, может натворить немало бед. Если он

стр. 34

увидел нас и убежал к своим — еще того не лучше: они приготовятся и встретят нас.

Лейно встал:

— Товарищ командир, разрешите мне произвести разведку. Я по лыжному следу, может быть, раскопаю его.

Антикайнен задумался.

Кипяток был готов, и котелок пошел вкруговую.

В эту минуту я увидел знакомую фигуру Армаса.

Палки у него находились в одной руке, в другой он держал наган. Он шел очень медленно и неуклюже. Перед ним ковылял без палок, засунув руки в карманы, человек в одежде, очень похожей на одеяние трех захваченных диверсантов. Именно его и держал под дулом своего нагана Армас.

Мы повскакали с мест и бросились навстречу.

— Субчика подцепил, — спокойно проговорил Армас таким равнодушным тоном, как будто изо дня в день в течение многих лет ему приходилось на лыжах подцеплять «субчиков». — И я в походе — не последний человек, — сказал он и при этом неожиданно подмигнул, как не раз подмигивал мне в мастерской за спиной мастера после крупного разговора с ним: мол, знай наших!

Пойманного обыскали. Антикайнен тут же его допросил.

— Все в порядке. Все четверо говорят одинаково.

— Как? И другие попались — изумился пойманный.

— Ну, ты еще меня в плен не взял, чтобы допрашивать! — усмехнулся командир.

Этот человек переждал в лесу, притаившись за деревом, пока пройдет весь отряд, потом по проложенному следу-лыжне пошел, продолжая свой путь, и тут-то наскочил на отставшего Армаса. Армас издали увидел его — ведь тот шел без маскировочного халата, — взял на мушку, приказал бросить оружие, отнял палки, обрезал пуговицы на брюках, чтобы беляк не мог бежать. Вот почему руки его были заложены в карманы. Армас показал мне пуговицу. На ней ясно было отштамповано: «Хельсинки».

Двухчасовой наш привал окончился очень скоро, и мы вышли снова в поход. стр. 35

— Вперед!

Антикайнен перед отходом приказал мне:

— Иди вперед с отделением на Пененгу, произведи разведку и, если там действительно есть два-три лахтаря, захвати их. До Пененги километров двадцать пять, но путь нелегкий. Ты туда дойдешь на рассвете.

— Слушаю, товарищ командир!

И я повел свое отделение. Замыкал его Армас.

Скалистые холмы начались уже через час после привала.

Огромные скалы упрямо выставляли свои каменистые ребра из снега. Подъем делался круче, и брать его с каждой минутой становилось все труднее и труднее.

Это было Массельгское ущелье.⁴ Сейчас по картам значится подъем в тридцать пять градусов, но на лыжах, которые все время тянули назад, при грузе за спиной в двадцать кило, при двух гранатах у пояса, эти тридцать пять градусов превращались в восемьдесят. Но тогда на картах не были нанесены не только градусы, но даже и сами высоты. Подъем становился все круче и круче.

Мое отделение вскарабкалось уже довольно высоко; далеко позади виднелась лента нашего отряда, когда вдруг у одного из ребят лыжи вырвались из-под ноги и побежали вниз по уже проложенной лыжне. Ему весь путь приходилось начинать снова.

Моя лыжа ударилась о камень.

«Сломается еще, чего доброго!» — подумалось мне. Я взглянул вниз — там неуклюже карабкались товарищи; я взглянул вверх — из-за вершины холмов выползала огромная луна.

— Снять лыжи! — приказал я.

И все стали снимать. Но как только мы сняли лыжи — провалились по пояс в снег.

Так в снегу передвигаться почти невозможно, тем более на подъеме, да еще когда за спиной груз и на плечах лыжи и палки.

— Скоро ли окончится этот чертов подъем! — проворчал Лейно.

Он тащил, кроме всего прочего, еще и пулемет. Лейно был сухощав и напорист, но, сойдя с лыж, потерял, кажется, обычную свою уверенность. Пожалуй, один только Армас был доволен тем, что мы сошли с лыж.

Он оказался в равных условиях даже с самыми лучшими лыжниками. стр. 36
Он был крепыш и во французской борьбе в товарищеском кругу почти всегда выходил победителем.

⁴Массельгское ущелье — водораздельный кряж, идущий по южному берегу Сег-озера и разделяющий воды Беломорского бассейна и систему Балтийского моря.

Снег забивался в валенки и таял. Дыхание возносилось легчайшим паром к черному зимнему небу. На небе звезды расположились обычным порядком, не замечая наших усилий.

Мы проталкивались сквозь густой, местами липкий, как мокрый зубной порошок, снег. Мы цеплялись руками за выступы камней, скал, царапая руки в кровь, обламывая ногти, с лыжами на плечах и с неугасимым желанием во что бы то ни стало выполнить поручение, доверенное нам революцией.

Мы карабкались вверх, срываясь, раздирая балахоны, тяжело дыша.

Я остановился, чтобы отдохнуть хотя бы секунду, и услышал отдаленный волчий вой, услышал, как нетронутую тишину зимней ночи разрывало тяжелое, прерывистое дыхание сотни ребят. Ни звука; лишь редкая ругань — сдержаться трудно! — да волчий дальний вой, да снег впереди, где за каждым случайным камнем, может быть, поджидает свинец или топор лахтаря.

Пальцы на руках коченели, подъем становился все круче.

Кто-то из ушедших вперед ребят сорвался, и его потянуло вниз; он прогромыхал с винтовкой, котелком, мешком за плечами, разбросав по сторонам свои палки.

Он проскользнул между нами, не успев ухватиться за протянутую лыжу, и, изо всех сил стараясь остановиться, все же неудержимо катился вниз.

Подъем становился все круче. Парни выдыхались.

Лейно, шедший впереди, стал на колени. Мы все один за другим стали на колени и поползли вперед, цепляясь за каждый выступ. Рядом со мной полз Суси.

Суси — по-фински волк, но ничего волчьего не было в его круглом белом лице, по которому сползали капли тяжелого пота.

Позади Суси, тоже на коленях, карабкался Хейконен.

— Мы им припомним этот переход! — бормотал он. — Мы их заставим проползти на коленях все кряжи Суоми.

— Сколько еще осталось так ползти? — спросил меня Армас.

— Если долго, так мы можем здесь остаться навсегда. Если остановка на отдых — замерзнут ребята.

— Тише! Ни один не должен остаться здесь, — сказал я, уже почти задыхаясь.

Левая ладонь у меня была рассечена в кровь. Мы ползли на коленях стр. 37
дальше. Подъему, казалось, не было конца-краю.

И вот Лейно сел на камень, положил поперек колен пулемет и молча заплакал. Я видел, как прозрачные слезы катились из его светлых глаз и замерзали на щеках. Он плакал молча. Я никогда никому не поверил бы, что Лейно может плакать, пока не увидел этого своими глазами.

Лейно плакал, и свет луны сиял на его пулемете. Бессильные лыжи лежали у его ног, и две палки, как свечи, стояли по сторонам. Он обратился ко мне:

— Неужели мне придется здесь окончить свой жизненный путь, Матти?

— Отдохни, Лейно! Мы еще потанцуем на свадьбах в Хельсинки, Выборге и Турку.

Он печально помотал головой и, обращаясь к Армасу, уныло, почти нараспев повторил свой раздиравший душу вопрос:

— Неужели мне придется здесь окончить свой жизненный путь, Армас?

Армас снял с его колен пулемет и, передав патроны Лейно мне, крикнул:

— Лейно, эй, лыжник! Идем, что ли!

И мы все опять поползли на коленях вперед.

Товарищ Антикайнен взял у Лейно лыжи.

— Нам этого подъема не взять, — безнадежно пробормотал курсант Яскелайнен. — Мы уже выдохлись. Нас к утру перестреляют, как куропаток.

— Брось, Яскелайнен! Партии нужно, чтобы этот подъем мы взяли, и мы его возьмем.

Вперед, несмотря ни на что! Мы проползли почти два километра, ползти еще один не было уже сил, но подъем здесь, к счастью, кончился.

И вот мы стоим на вершине кряжа. Луна закатывается за дальние леса. Перед нами спуск, а после — ровное большое поле, равнина, лесок, а за тем леском должна быть деревня Пененга. Весь путь — десять километров. Карельские километры узкие — с тропы не сойдешь, — но длинные, очень длинные.

Я сразу вспоминаю приказ. Собираю отделение. Позади слышится неровное плотное дыхание карабкающихся людей.

Мы вышли утром, и скоро начинается новое утро.

— К спуску!

— Ты должен был делать так, — бубнит Армас, обращаясь к смущенному Лейно, — выбрать себе один камень, как делал я, и думать: «Вот

теперь я во что бы то ни стало доберусь до этого камня» — и выбрать стр. 38
камень близкий, шагах в десяти от тебя. Ну, до этого камня доберешься, конечно, намечай себе другой, метров так за пять. И опять же: неужели тебе, как бы ты ни утомился, не пройти эти пять метров? Чепуха! Конечно, пройдешь. Ну, прошел — передохни, осмотришь и опять нацелься метров на пять. Поверь мне: как бы ни устал добрый парень, а метров с шесть проползет всегда. Так, глядишь, ты уже на вершине.

Я приказал надеть лыжи, и мы пошли вниз.

Лететь вниз — это даже после такого подъема одно удовольствие.

Равновесие у опытного лыжника регулируется как бы автоматически: где надо — оттолкнуться, где надо — наклониться, даже присесть на корточки, а где можно — и прямо стоять, вдыхая морозный воздух.

Неопытного лыжника при спуске может опрокинуть даже едва заметная глазу кочка.

Так и случилось с Армасом.

Он сдуру пошел на спуск первым и, не успев долететь до подошвы, опрокинулся и, дважды перевернувшись в воздухе, отпустив убегающие вниз лыжи, остался лежать в снегу.

Следующий за ним парень, споткнувшись о него, брякнулся тоже, на того — второй, третий, — образовалась живая барахтающаяся куча с торчащими из снега штыками, остроконечными палками.

«Пуще всего не хочу я погибать от такого дела», — мелькнуло у меня в голове. Я оглянулся и увидел, что по лыжне, проложенной Армасом, вслед за мной быстро-быстро по склону скользят уже десятка два бойцов.

Катастрофа, катастрофа!

Кто сумеет на лету свернуть в сторону, обогнуть эту кучу людей, штыков, подсумков, лыж, палок, гранат?

Но в то же мгновение шедший впереди меня Лейно ловко изогнулся и свернул в сторону. Я не знаю, сумел ли бы сделать такой поворот кто-нибудь другой.

По следу Лейно проскочил я, за мной по проложенной лыжне пролетели другие.

Вперед! Останавливаться нельзя!

Я собрал отделение и повел.

К счастью, в этой свалке мы отделались только царапинами.

— Из-за твоего упрямства, из-за твоей дурацкой настойчивости чуть не произошла катастрофа! — сказал я Армасу. — ты сам легко мог сломать себе шею.

— Ну нет, здесь я не погибну! — пытался отшутиться Армас. — Моего брата и то мог взять только снаряд кронштадтской восьмидюймовки, а ведь он был лишь простой социалдемократ. А здесь, на фронте, у белых таких орудий и нет, чтобы меня взять. К тому же я коммунист, и меня меньше чем трехдюймовым не возьмешь... стр. 39

— Из-за тебя могли погибнуть другие товарищи! — резко прервал его Лейно.

— Ты прав, Лейно, — смущенно отвечал Армас. — Но теперь уже поздно...

Такого виноватого лица я до сегодняшнего дня у Армаса никогда не видел.

Глава пятая

Встреча с лахтарями

Отряд получил часовой отдых.

Мы же, назначенные в разведку, должны были идти немедленно. И мы пошли.

Отделение шло в полукilометре позади меня под командой Лейно. Я же отправлялся в разведку, вперед. Путь шел сквозь бездорожный лесок.

Мерно раскачивались, осыпая снег, мохнатые ветви.

Пробегали стволы, шуршал уминаемый лыжами снег.

Точно так же около года назад я находился в глубокой разведке. Тогда наша разведка должна была отрезать подвоз боеприпасов и продуктов из Финляндии в бунтующий Кронштадт. Подвоз производился по льду Финского залива — Маркизовой Лужи. И вот я увидел близкие огни поселка Инно. Я сам оттуда родом, и вся моя семья проживала там, и по сей день там живет отец-старик с матерью. И Айно, моя Айно, тоже — я знал — жила тогда со стариками. Наш дом стоит у самого берега моря, и берег этот был от меня всего в тысяче метров. Окна дома нашего были освещены. И я пошел ближе к берегу, стараясь в тишине морозной ночи услышать скрип полозьев саней, везущих продовольствие восставшим «клёшникам». Я подошел близко к берегу, выполняя задание разведки. Дом отца (воспоминания детства!) был всего в ста метрах. стр. 40

На пороге показалась женская фигура: это могла быть моя старая добрая мама или дорогая Айно. Я не видел их с весны 1918 года, с дней разгрома финской революции.

«Зайду обнять стариков, — подумал я. — Ведь никто никогда не узнает о нашей встрече».

«Нельзя, ты ведь в разведке», — уговаривал я себя, не решаясь идти дальше.

Я смотрел на домик, где старики, наверно, тоскуют о своем единственном Матти, где Айно... Свет из окна желтым квадратом ложился на снег. Женщина на крыльце выплеснула из ведра воду и вошла в дом, захлопнув за собой тяжелую дверь.

Я сделал шаг вперед. Десять минут я стоял вблизи дома, смотрел на него и думал. Потом круто повернулся и пошел дальше, продолжая разведку.

В тот вечер я захватил и привел к нам четыре подводы с хлебом, шедшие в Кронштадт из Териок. Белому офицеру, сопровождавшему сани, посчастливилось: он ускользнул под прикрытием тьмы, осыпаясь оголтелой бранью возчиков. На подводе остался только его портфель с бумагами, с документами на имя штабс-капитана Верховского. Самого штабс-капитана и след простыл.

Усталость после бессонных суток и утомительного перехода в такой сильный мороз сказалась: все эти мысли проходили передо мной, как в полусне, да я, вероятно, и в самом деле задремал на ходу. От этих полудремотных воспоминаний и мечтаний я очнулся совсем неожиданно, услышав звуки отдаленного разговора. Открыв глаза, я увидел в ста метрах от себя небольшой поселок.

На ближайшем доме развевался белый флаг. На крыльце этого дома стояли четыре вооруженных человека.

Я оглянулся. Метрах в двухстах позади меня кончался неровный лес, и никого из моего отделения я не увидел. Я ушел далеко вперед.

Люди у крыльца стояли довольно спокойно. Они заметили меня.

Повернуться и идти назад было бессмысленно — три-четыре пули влипли бы тогда в мою спину. Оставалось идти вперед. Я так и сделал. Шел я размеренно, медленно, спокойно, думая о том, как бы дороже запросить с них за мою жизнь.

Я старался замедлить каждый свой шаг, выгадать каждую секунду, стр. 41 и потому, что я шел спокойно, не торопясь, держа курс на крыльцо избы с белой проклятой тряпкой, освещенной уже первыми косыми лучами встающего зимнего солнца, никто из стоящих у крыльца не шевельнулся, никто не взял винтовки наизготовку.

Чем ближе подходил я к деревне, тем виднее становилось мне, что у крыльца стояли лахтари. Один из них откусил кусок хлеба, испеченного так, как пекут только в Финляндии: тонкие, плоские пресные лепешки некки-лейпа, с круглой дырой посередине.

Я очень люблю некки-лейпа, они напоминают мне годы моего раннего детства. Во всей Карелии только в Ухте пекут такие некки-лейпа.

Я был уже в нескольких шагах от крыльца. Двое из наблюдавших за моим приближением вошли в избу, двое остались у крыльца. Я подошел вплотную к крыльцу.

— Здравствуйте! — буркнул я себе под нос, так, на всякий случай.

— Здравствуйте, ваше благородие! — ответил они, вытянувшись передо мной в струнку.

В первую секунду я даже опешил и взглянул на опушку. Ничто не говорило о том, что оттуда может сейчас кто-нибудь выйти.

Я стал медленно снимать лыжи. Снял одну, снял другую. Два болвана, вытянувшись, стояли передо мной в струнку. Белый капюшон маскировочного халата хорошо скрывал мой красноармейский шлем.

— Вольно! — скомандовал я и, очевидно, чем-то нарушил уставную форму, так как парни весело перемигнулись.

Или, может быть, они играют со мной, как кошка с мышью?

И я вспомнил избу в Паданах и разговор с Лейно.

Где ты, Лейно, где штаб наш сейчас?

Я воткнул палки в утоптаный скользкий снег у крыльца и, медленно, вразвалку переступая со ступени на ступень, стал подниматься в избу.

— Надо сколоть лед со ступенек, — проворчал я, желая еще раз показать мое превосходное финское произношение.

— Будет исполнено, — ответил один из болванов, вытягиваясь во фронт и беря под козырек.

При этом он положил недоеденный кусок некки-лейпа на лавку. С каким бы удовольствием я сжевал его! Сразу захотелось есть.

«С пустым желудком легче перенести рану в живот», — вспомнил я стр. 42 изречение нашего курсового врача и переступил порог.

Очевидно, все шло, как ожидали эти дурни, потому что они не проявили ни малейшего признака удивления. Я видел все отлично. Я и сейчас могу точно, подробно обрисовать все детали: как белые стояли, как лежал кусок хлеба на лавке, как слегка накренилась левая палка, воткнутая в снег, какого рисунка была резьба на наличнике двери.

Все чувства мои были обострены, и все это я помню отлично и не забуду до конца своих дней.

Входя в избу, я оглянулся на лес. На опушке не было и признака жизни.

Я вошел в помещение.

Вслед за мной в комнату протиснулись двое со двора.

Сразу же охватила меня, сутки пробывшего без сна на воздухе, одуряющая теплота душно натопленного, насквозь прокуренного помещения. В помещении было четыре человека; они наскоро прибирали комнату. Винтовки стояли в углу в козлах.

Как только я вошел, солдаты вскочили и отдали мне честь.

Тогда спокойно, громко, раздельно, слыша каждый удар своего сердца, я спросил по-начальнически:

— Кто здесь командует?

На мой вопрос в открытую дверь из соседней комнаты выскочил рослый человек в егерской форме, со знаками различия в петлице, с огромным, как окорок, лицом, багровым от напряжения и желания выслужиться, и стал передо мной навытяжку.

Держа руки по швам, он начал рапортовать.

Я приложил, как и полагается при принятии рапорта, руку к козырьку, скрытому под капюшоном.

— Командую здесь я, капрал Курки, исполняя порученную мне задачу: освободить Карелию от русских красных бандитов.

Нервы мне изменили здесь: при словах «красных бандитов» рука, поднятая к козырьку, сама собой сжалась в кулак, и кулак чуть не опустился на физиономию капрала. Большим усилием воли заставил я себя разжать кулак и отвести ладонь назад, делая вид, что внимательно слушаю рапорт.

— Всего нас четырнадцать человек, — продолжал капрал, — и командует всей заставой поручик Ласси.

Услышав эту фамилию, я вздрогнул. Видя удивление в зрачках капрала, отвел свою поднятую руку назад, и... и, вероятно, обнажил из-под капюшона кусок шлема — ту его часть, где краснела пятиконечная наша звезда. Я понял это по внезапной бледности, залившей багровое до того лицо капрала, по тому, как он стал запинаться, очевидно удивив этим всех слушавших — их было теперь в помещении восемь человек: двое вошли сразу вслед за капралом из соседнего помещения, — и, наконец, по его прямому вопросу:

стр. 43

— Так вы красный?

— Да, я красный... — подхватил я его реплику и тоном приказа, не терпящего никаких возражений, продолжал: — ...и приказываю вам всем немедленно сдаться мне.

Они стояли оторопев.

В моей левой руке уже была граната, в правой — наган.

— Пока я с вами вел беседу, мои товарищи окружили селение. Ни один из вас не уйдет живым, если будете драться. Сдавайтесь!

Курки, а вслед за ним и я взглянули в окно.

Метрах в пятидесяти, рассыпавшись цепью во главе с Лейно, шло мое отделение, быстро приближаясь к нам.

— С другой стороны — два взвода. Сдавайтесь!

Никто из белых не успел ничего ответить, как под тяжелым ударом валенка дверь распахнулась и в комнату влетел Лейно.

Увидев белых, он, размахивая гранатой, крикнул:

— Руки вверх!

Все находившиеся в комнате подняли руки.

В эту секунду на улице раздался глухой револьверный выстрел.

— Ты держи их здесь! — крикнул я Лейно, выскочил на улицу и приказал одному из товарищей с винтовкой встать у окна.

Армас вбежал в избу — помочь Лейно разоружить белых.

Снова раздалось несколько выстрелов.

Пробираясь по деревне, отстреливаясь, уходил офицер.

Я снял с плеча винтовку и медленно стал целиться.

Это был несомненно Ласси.

Я нажал на спусковой крючок. Он не поддавался. Выстрела не произошло. «От мороза, что ли?» — вспомнил я рассказ Раухлахти в санитарном вагоне. Я нажал еще сильнее. Отдача ударила в плечо.

Офицер рухнул в снег. Я пошел к нему.

А так как лыжи мои остались у крыльца, я шел медленно, зачерпывая стр. 44 валенками снег.

Выстрелы в деревне не прекращались, но становились все реже и реже. Из леса выходили уже передовые бойцы нашего отряда. Позади меня шел Лейно.

Офицер пытался приподняться на локте.

— Ласси! — крикнул я уже почти иступленно. — Ласси, наконец-то мы можем окончить здесь наш диспут!

От неожиданности он даже приподнялся и, увидев меня, поднял маузер.

— Я не увижу моей великой Суоми, и тебе, Матти, уже не купаться больше в ее озерах! — сказал он и вдруг, выплевывая изо рта кровь, крикнул: — Продавшейся красной собаке — собачья смерть! — и выстрелил.

Ласси был отличным стрелком, но гнев и рана сделали его руку нетвердой. Пуля прошла через мой кашюшон и оставила в нем дыру.

— Ты опять не попал, Ласси, а вот я попаду...

Он снова поднял револьвер, почти касаясь моего полушубка его дулом. Но я уже опустил приклад. Выстрела не последовало.

Я знал Ласси с детства. Он — сын хозяина лесопилки, на которой работал мой отец. Во время революции был шюцкоровским офицером.

Шел митинг на лесопилке. Выступил Ласси, выступил и я, приехавший на побывку из Хельсинки. Мы установили на заводе Ласси восьмичасовой рабочий день и организовали завком, а когда пришли в контору проверить конторские книги, Ласси отказался дать их нам и сказал:

— С такими негодьями и грабителями, как вы, приходится говорить языком оружия.

Я тогда не рассчитался с ним, он вдруг куда-то исчез, но теперь мы поговорили все-таки друг с другом, языком оружия. Это может подтвердить дыра в кашюшоне моего балахона.

Я обыскал труп Ласси, взял документы и пошел обратно в деревню.

Тут только я понял, что нестерпимо устал и не в силах больше сделать ни шага. Не помню, как я добрался до избы.

Отряд наш уже прибыл в поселок и располагался на привал. Антикайнен распорядился, высылая вперед новую разведку.

Посреди улицы лежал, раскинув руки, убитый лахтарский офицер. Я его не знал.

стр. 45

Я свалился, как сноп, на пол, не дойдя двух шагов до скамейки. Может быть, меня перекладывали, может быть, по мне ходили — я не знаю, ничего не помню. Я спал глубочайшим сном. В те сутки мы прошли всего лишь пятьдесят километров.

Но спать можно было не больше трех часов. В двенадцать часов дня надо было уже выходить и идти на Челку.

Из-под моей головы вытянули подушку.

Я проснулся. Антикайнен держал в руках подушку.

— Чего же ты обидел бабушку? — укоризненно спросил он.

Старушка встала с печи и, взяв подушку из рук командира, стала его о чем-то нерешительно спрашивать.

Антикайнен пристально смотрел на нее своими голубыми глазами и старался успокоить.

— Так вы в самом деле красные? — наконец расхрабрившись, громко спросила она командира.

— Разве ты не видишь, как мы расправились с лахтарями?

— Видишь ли, родной, офицеры говорили, что на триста верст вокруг нет ни одного красного. Даже птица оттуда не залетит, не то что красноармейцы. Вот почему я и сомневаюсь.

— А ты, бабка, не сомневайся, а лучше посмотри на красные наши звезды!

Этот аргумент, очевидно, убедил старуху окончательно. Сморщенное, как печеный картофель лицо ее засияло; настороженность, которая чувствовалась в каждом движении, исчезла. Она подошла к двери и начала копать, вытаскивая из-за резного дверного наличника какие-то бумаги.

Вытащив пачку документов, она стала перебирать их и, найдя наконец нужный, протянула его командиру.

Командир принялся читать.

Это была бережно сложенная, заверенная всеми печатями и подписью самого командира почетная грамота, выданная штабом Первой Конной армии на имя бойца товарища Юкко Петрова.

— Ну что ж, вижу: грамота товарища Буденного...

— Да ведь Юкко — это мой сын! — залопотала старуха, волнуясь.

— Он сейчас с дружками в лесу от лахтарей скрывается.

— Зови немедленно ребят из лесу!

Старуха заторопилась. Я видел, как она стала на самодельные карельские лыжи и пошла в лес. Не многие наши питерские спортсменки-физкультурницы умеют бегать на своих телемарках так, как шла эта старушка!

К тому времени, когда отряд совсем уже был готов к отходу, из лесу под предводительством старухи вышла группа людей на лыжах. Увидев нас, они остановились. Один пошел прямо к нам.

Этот парень и был буденновец. Вместе с ним ушли в лес, срываясь от насильственной мобилизации, произведенной лахтарями, еще девять мужчин.

Они перехватили две подводы с продуктами для заставы и питались захваченным продовольствием. Активно бороться с лахтарями из-за отсутствия оружия они не могли. Продукты были у них совсем уже на исходе — и вдруг явились мы.

Петров не вполне был уверен в сообщении матери, что действительно пришли красные, и, чтобы не подводить остальных ребят, вышел к нам один. Его пригласили в дом.

Сомнения быстро рассеялись.

— Как это вы, ребята, здесь очутились?

— Как бы мы здесь ни очутились: сами ли пришли или с неба свалились, но мы здесь, — сказал командир роты Хейконен.

Антикайнен, молчавший все время и, казалось, занятый только сшиванием разодранного балахона, вдруг встал и сказал:

— Назначаю тебя, товарищ Юкко Петров, комендантом деревни. Двенадцать захваченных винтовок оставляю твоему отряду. Из девяти тысяч трофейных патронов забирайте восемь тысяч. Двух ребят ты выделишь конвоировать пленных. Приказываю тебе именем Советской власти соблюдать дисциплину отряда и бить лахтарей без пощады!

Петров, как побывавший в переделках боец, принимая приказ, стоял, вытянув руки по швам. Выслушав приказ он сказал:

— Служу трудовому народу!

И, выйдя на крыльцо, сорвал белый флаг — наши ребята забыли это сделать в пылу схватки — и стал им размахивать.

Парни, оставшиеся в лесу, увидев сигнал, пошли к деревне во главе со старухой по той самой лыжне, которую проложил я на рассвете.

Глава шестая

В глубоком тылу у лахтарей

стр. 47

Мы, снова построившись как полагалось, вышли в путь. Небольшая закуска и три-четыре часа сна подкрепили нас, и, если бы не острая боль в плечах от ляжки мешка и ремня винтовки и если бы не ныли ноги, все было бы прекрасно.

— Не забыл отмечать путь по карте? — спросил, обгоняя меня, товарищ Суси.

— Нет, не забыл.

Тут только я понял вдруг, насколько труднее, чем нам, приходится нашим командирам.

Они должны проделывать точно такой же путь, какой проделываем мы; кроме того, на стоянках они должны заботиться о безопасности отряда, о каждом карауле, посылать разведку, намечать ей цели, выслушивать донесения, допрашивать пленных. Это работа нелегкая. А Суси сверх этого ведет все время дневник отряда. Как у него не замерзли пальцы во время писания, я не понимаю! Как он после разбирал эти каракули, начерченные в тетради на морозе?

Мы снова шли вперед, рассекая грудью морозный воздух.

— Эх, напрасно я здесь петуха салом кормил! Какой кусочек загубил! — жалел Армас.

— А для чего же ты его кормил?

— Как — для чего? От сала петух голос теряет. Ну, я и дал ему... Пусть не будит до света. Так нет, все равно — не петух, так приказ разбудил! — продолжал сетовать Армас.

Повалил снег, густой, липкий, мохнатый.

Наш взвод шел сейчас в середине отряда, но за густой стеной падавшего снега не было видно головных и арьергардных.

Мы шли вперед, пробираясь сквозь эту пелену.

Шли быстро. Опять мелькали палки, ноги, хрустел и шуршал уминаемый снег, и свистящее наше дыхание снова разрывало тишину.

Мы шли очень быстро, с грузом в двадцать кило.

Я опять потерял Армаса из виду. Он отставал.

Опять пробежал мимо меня от хвоста отряда к его голове неутомимый Антикайнен.

Опять нам становилось все жарче и жарче. Опять капли пота стали стекать на лицо из-под шлема. Мы шли, черт побери, вперед и заставляли идти за собой пленных лахтарей. стр. 48

Им было идти легче — без винтовок, без патронов, без гранат и без запасов еды. Все они были лыжниками. Но, даже боясь послушаться приказа, они стали все же роптать. Один из них улучил секунду, когда мимо пробежал Антикайнен, и сказал:

— Ваше превосходительство, мы не можем так быстро идти, мы задыхаемся.

— Кто не сможет идти, тот не сможет и жить дальше! — крикнул, пробегая, товарищ Антикайнен, и он был прав: ведь ни одна собака не должна была знать о нашем движении, ни одна!

Мы шли вперед и вперед.

Передовые свернули вниз.

Мы покатались по откосу берега один за другим на покрытую льдом и снегом реку. Мы пошли вперед по реке.

Капли пота, стекая со лба на глаза, мешали смотреть сквозь пелену падавшего снега. Ремни натирали плечи.

Я пробовал несколько раз передвинуть их немного в сторону — не помогало: через минуту они снова соскальзывали.

От пота рубаха стала совсем мокрой и плотно прилипла к телу. Но мы шли все вперед, вперед... Все мои ощущения, все мои мысли, кажется, уходили в ноги.

— Ребята, нажимайте, скоро привал! — говорил я своему взводу. — Не подавайте виду пленным лахтарям, что вы устали. Пусть смотрят, как мы умеем ходить!

Так подбадривал я своих ребят. Мне казалось, что ноги мои разбухают все время, превращаются в чурбаны, на которые вплотную, как резиновые, насажены валенки. Рубахи наши были мокры от пота. И пот проступал через рубахи на мех полушубков. В самом деле, мех уже был

настолько мокры от пота, что отдельные капли, стекая, собирались на краях полушубка и, медленно сочась, падали прямо в валенок.

Если бы мне кто-нибудь рассказал об этом, я бы не поверил, но теперь дело было не в том, верить или не верить, а в том, чтобы идти вперед во что бы то ни стало. Вперед!

Я увидел, что немного отстаю, нажал, оттолкнулся палками и в мутнеющем сумраке наступающего зимнего вечера чуть не наскочил своими лыжами на лыжи впереди идущего. Я всмотрелся.

— Что с тобой, Аалто? — спросил я, запыхавшись.

стр. 49

Маскировочный халат у него был разодран штыком, и, чтобы он не путался под ногами, Аалто его снял.

— Что с тобой, Аалто? — повторил я. — У тебя весь полушубок покрыт льдом, ты весь оледенел. Что с тобой?

— А ты посмотри, может, и сам не лучше! — буркнул под нос Аалто.

Я снял с левой, пораненной руки варежку и стал ощупывать свой полушубок. Аалто был прав: мой полушубок был тоже покрыт ледяным покровом.

Почти у всех ребят образовались на полушубках ледяные корки. Пот, проходя через баранью кожу наружу, сразу остывал: его схватывал мороз.

Ледяная корка на полушубках — и пот, стекающий каплями по мокрому меху! и то и другое сразу! И мы разгоряченной грудью вдыхали морозный воздух, рискуя с каждым глотком получить воспаление легких, и продолжали идти вперед в мокрых, обледенелых полушубках.

Мы шли по реке, и в сумерках наступающей ночи не было видно передовым товарищам, что местами, черт знает откуда, вода выходила из-под льда.

Передовые проскочили эти опасные места, и за ними — весь отряд.

Кто хоть раз в жизни надевал на ноги лыжи, тот поймет, что это значило. Лыжи снизу быстро застывали; вода, попавшая на них, замерзала и, приликая, тормозила движение. Комками прилипал снег, и они уже никак не хотели идти ни вперед, ни назад.

Легче идти по глубокому снегу пешком, чем на таких лыжах. И почти все мы въехали в воду.

Мы шли уже около пяти часов, и можно было сделать привал. Необходимо было немедленно остановиться: почистить лыжи. Антикайнен скомандовал остановку.

Мы направились к берегу. Захрустел валежник, застучал топор.

Я стал утаптывать снег, чтобы очистить место для костра, и, оглянувшись на реку, увидел несколько стоящих без движения фигур. Они опираясь грудью на палки, стояли молча, без признаков жизни, как замороженные статуи.

— Лейно, узнай, в чем дело!

Лейно устало подошел к ним. Я видел, как он стал толкать эти замерзшие снежные бабы. Они зашевелились, пошли к берегу.

— Они спали стоя, — сказал Лейно. — Палки в грудь — и райские грезы. Спокойной ночи!

— Привал большой, — сказал, проходя мимо меня, Хейконен. — Привести себя в порядок и отдохнуть!

Большой привал — значит, можно развести ракатулет. Я не знаю, где бы еще, кроме дремучих лесов Суоми, разбивали ракатулет. стр. 50

Ракатулет устраивают так. Валият два больших дерева, сдвигают их одно на другое. Предварительно на тех сторонах, которыми бревна соприкасаются, топором делают глубокие засечки, своего рода бахрому. Их поджигают.

Бревна горят медленно, сначала только тлеют, да и после нет такого яркого огня, какой бывает при обыкновенном костре. Но жар от ракатулета очень большой, за ним не нужно ухаживать все время, не надо каждую минуту подходить, подкладывать новые сучья, и сгорает он медленно. Между шеренгами ракатулетов бывает порядком жарко даже в самую холодную ночь.

Ночь действительно была холодной. Не меньше тридцати пяти градусов, по уверению Суси.

Большой привал.

Мы начали валить ракатулеты, набивать котелки снегом. Установили винтовки в козлы и стали очищать лыжи от налипших комьев снега.

Это работа очень кропотливая. Лыжи близко к огню держать нельзя: если они разогреются, то, когда станешь на них, снег под ними начнет таять и налипать. Вот почему у нас в Суоми и в Карелии они стоят всегда в снях.

Повозились уж мы с лыжами на этом привале!

От огня обледенелые полушубки стали топорщиться, корежиться.

Я поднял руку, чтобы обломить нависшую над ракатулетом ветку ели, и вдруг почувствовал, что в моей одежде что-то оборвалось, треснуло, и мне стало очень легко поднимать руку. Я снял балахон. Обле-

денельный полушубок мой треснул, покорежившись на сгибе плеча. Рукав совершенно свободно теперь снимался отдельно от всего полушубка.

— Я придумал, что надо делать, чтобы полушубки впредь не леденели, — сказал командир роты Карьялайнен.

Он стал выворачивать полушубок наизнанку и, вывернув, надел на себя. Такую же процедуру с полушубками проделали и многие ребята, и мы ходили мохнатые, как медведи.

Ночь предстояла очень холодная. Концы пальцев холодели даже в рукавицах.

Лежа в снегу, я посмотрел вверх и через тяжелые от снега мохнатые ветки увидел большие северные звезды, опрокинутый ковш Большой Медведицы и мысленно стал проводить линию к Полярной звезде.

Я задремал.

стр. 51

Проснулся я от отчаянного жара — мне казалось, что правая сторона моего тела, обращенная к ракатулету, раскалена донельзя, левая же сторона погребена во льду.

Я повернулся на другой бок и продолжал спать.

Так крепко спать, я думаю, мне больше никогда не придется.

Один раз, когда я повернулся с боку на бок, я увидел, как Лейно быстро вскочил с постели, устроенной из свеженаломанных веток, и, скинув полушубок, стал его топтать.

Он увидел мой полусонный, но, вероятно, очень удивленный взгляд и сказал:

— Спалил полушубок головней...

Но я заснул, не дослушав его.

Снов не было. Опять спине стало очень холодно. И я проснулся оттого, что кто-то положил руку на мое натруженное плечо. Я с трудом разлепил веки. Надо мной стоял испуганный товарищ Антикайнен.

Он бережно — видимо, стараясь не разбудить — переворачивал меня на другой бок, отдирая примерзшую к снегу полу моего полушубка.

Я видел, как он подозвал часового и приказал ему каждые четверть часа переворачивать спящих с боку на бок.

— Чтобы не замерзали и не пригорали...

Так он заботился о нас, своих бойцах.

Конца их разговора я не слышал.

И когда в другой раз я проснулся и открыл глаза, то увидел Армаса, укладывающегося у ракатулета.

Он выглядел постаревшим на несколько лет и очень похудевшим.

— Опять, что ли, словил кого-нибудь в хвосте? — спросил неожиданно подошедший Антикайнен.

— Мое время еще не ушло — погоди, словлю еще десяток-другой! — пробовал отшутиться Армас, но ему явно это не удавалось.

Он снова отстал от отряда и только что пришел.

— Товарищ начальник, — сказал он Антикайнену, — дозоры у нас слабо смотрят: меня никто по пути не остановил.

Командир пошел дальше — осматривать стоянку и проверять дозорных.

В своем опоздании Армас мог найти и некоторую долю утешения. Увидев разложенные костры, он вышел на берег, пошел к ним напрямик и таким образом не попал в воду, поэтому ему и не нужно было так возиться с лыжами, очищая их. Но к чести Армаса надо сказать, что это было последнее его отставание. стр. 52

Все остальные переходы он проделывал так, что только опытный глаз мог отличить в нем новичка.

Он прошел ускоренный курс подготовки на лыжника. Во что ему это обошлось, говорило его лицо, напряженное, заострившееся, как у человека, долго болевшего, и глаза, горевшие странным блеском.

По-настоящему я понял, во что обходился поход Армасу, лишь в Челке.

Отряду же обучение Армаса едва не стоило катастрофы при спуске перед Пененгой.

Было еще только четыре часа ночи, когда мы поднялись и вышли вперед. Снова вперед!

Совсем темно.

Опять мы шли по реке. Опять мой взвод шел посредине отряда.

Вначале идти всегда казалось невероятно трудно. Ну, разве что заставишь себя сделать, и то через силу, шагов двести–триста.

Ныли мышцы на ногах, на руках, мышцы живота. Болели натертые плечи, распухали ноги.

Но через сто–двести шагов делалось уже вполне понятным, что можно пройти больше.

Мышечная боль растекалась, рассасывалась. Морозный воздух, пронизывая все тело, бодрил.

Да, пройти можно было гораздо больше, чем двести шагов.

Пройти можно столько, сколько нужно, чтобы победить.

Мы шли вперед по льду, отталкиваясь палками, оставляя глубокий след в рыхлой целине.

Снегопад прекратился. Ясная, морозная луна освещала наш утренний путь.

На снег ложилась полоса — лунная дорога, какая бывает на озерах.

Передовики стали внимательнее. Заметив талую воду, они взяли курс на берег. За ними пошел весь отряд. Миновав это место, мы снова спустились на лед и пошли дальше. На этот раз передовики прозевали и с размаху влетели в талую воду, скрытую снегом.

Отряд остановился. Мы выбрались на берег.

— Остановки не будет! — скомандовал звонким голосом товарищ Антикайнен. — Они почистятся и догонят. стр. 53

Таким образом, мой взвод стал головным. Мы вышли на берег и уже больше не спускались на предательский лед реки.

Луна закатилась.

Рассвет подступал к отряду из-за каждого беличьего дупла, волчьей норы. Мутно-молочный рассвет. Мы шли.

Скоро должна быть деревня Челка. После Челки наш путь лежал уже прямо в Реболы, где, по всей вероятности, находился штаб фронта. Пленные говорили, что там триста лахтарей.

— Матти, ты пойдешь со мной вперед, в разведку. И возьми с собой одного курсанта! — сказал Антикайнен.

Я выбрал Лейно.

— Метрах в двухстах от деревни останови отряд и, если будут выстрелы, окружи деревню, чтобы никто не мог проскочить! — отдал приказ Карьялайнену товарищ Антикайнен.

Мы вышли вперед и через пятнадцать минут хода были у самой деревни. Деревня, как и большинство карельских деревень, расположена у воды и окружена приземистыми банями. Мы обошли деревню задом. Ни над одной избой не развеялся белый флаг. Из нескольких труб поднимался уютный дымок. Протяжно мычала корова.

Женщина вышла на крыльцо, постояла, сбежала с крыльца, перешла улицу и исчезла. Несколько ребятишек возилось с огромной кудлатой собакой.

Никаких, даже отдаленных признаков лахтарей не было видно. Деревню война, казалось, обошла.

— Да, здесь, конечно, тоже никто нас не ждет, — промолвил Антикайнен. — Но мы все-таки здесь!

Для проверки мы выбрали самый крепкий, богатый на вид дом в деревне, где, конечно, остановились бы белые, и пошли к нему. Лыж снаружи не было видно. Все было по-прежнему спокойно. Я постучал в дверь. Хриплый женский голос ответил мне по-фински:

— Войдите!

— Спасибо! — отвечал я. — Нас трое.

И мы вошли через сени в горницу. Горница была чисто прибрана, половики разостланы на сияющем чистотой полу. Покрытый сверкающей клеенкой стол, образ в углу.

Мы предусмотрительно сняли шлемы: откинули капюшоны так, что шлемы остались в капюшонах. Рослый, полноватый, неповоротливый мужчина встал с кресла при нашем появлении.

— Здравствуйте! — сказал Антикайнен.

стр. 54

Мужчина что-то промычал в ответ.

Из соседней комнаты, в которой топилась плита, раскрасневшись от жара, выскочила женщина лет тридцати пяти и затараторила:

— Здравствуйте! Это мой муж. Он глухонемой. Как хорошо, что вы пришли к нам! Вы давно из Финляндии?

— Позавчера! — глухо ответил командир.

Я взглянул на него недоуменно. Он подмигнул и скривил угол рта мгновенной улыбкой:

— Разве здесь никого из наших нет?

— Нет, нет... — И женщина быстро перед глазами мужа задвигала пальцами: так разговаривают с глухонемыми.

Он сделал к нам шага два навстречу, ухватил руку командира, потом радостно стал пожимать мне руку, и живейшее удовольствие было написано на его заросшем кустами волос лице.

— Он принимает нас за финских офицеров, — успел шепнуть мне Антикайнен, в то время как глухонемой тряс руку Лейно.

— Дорогая хозяйшка, нам с дороги молочка бы выпить! — обратился к хозяйке Лейно.

Через полминуты мы уже сидели за столом, покрытым сияющей клеенкой. Перед каждым из нас стоял кувшин с парным молоком. Приторный вкус молока и тепло горницы размаривали. Хозяйка весело хлопотала у плиты в соседней комнате, что-то спешно для нас стряпая.

— Пей в два горла, Лейно! Не скоро еще дождешься такого угощения, — обтирая губы, сказал Антикайнен.

Лейно улыбался, хотел что-то ответить, но поперхнулся и закашлялся. Несколько капель молока упало на клеенку.

Хозяин, наблюдавший за нашей трапезой с почтительным восторгом, подскочил с полотенцем в руке и, предупредительно изогнувшись, быстро вытер с клеенки капли. Точно так же он вытер капли, оброненные мною и Антикайненом.

Финских офицеров в этом доме, очевидно, уважали.

Желая, наверно, еще раз подчеркнуть свою преданность им и ненависть к Советской власти, глухонемой подошел к комоду, покрытому кружевным ручником, выдвинул ящик, из ящика вытащил шкатулку, из шкатулки — несколько советских знаков миллионного достоинства, выразительно плюнул на них, бросил на пол и стал изо всех сил топтать.

— погоди, я разделаюсь с ним! — прошептал мне на ухо Лейно и стал медленно вытаскивать из кармана ватных штанов бумажник. стр. 55

На громкое шарканье мужа вышла из соседней горницы хозяйка, подобрала деньги и, взяв из рук мужа шкатулку, бережно сложила их туда и вышла из комнаты.

Лейно тем временем вытащил бумажник из кармана и, разложив его на столе, вынул хранимую им с 1918 года финскую марку — марку, выпущенную Советом народных уполномоченных Финляндии, с лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — и подал ее кулаку.

Тот, увидев финские буквы, не потрудился даже прочитать их внимательно. Он, как полоумный, запрыгал, поднес марку к своим губам, стал ее целовать. Было одновременно и смешно и противно.

— Матти, — обратился ко мне командир, — пойдя приведи отряд.

Я вышел и, надев лыжи, отправился к батальону, который, как условлено, должен был ждать результатов разведки вблизи от деревни. Дозорный наш окликнул меня.

— Можно идти вперед! — ответил я ему на ходу и остановился, увидев картину, подобную которой я, надеюсь до самой смерти своей не увижу больше.

Почти весь отряд спал, стоя на лыжах, уткнув палки в грудь, беспомощно опустив головы и руки. У некоторых изо рта тянулась тонкая, замерзавшая в воздухе слюна.

Мерное дыхание вырывалось из утомленных грудей. Закрытые глаза, беспомощно повисшие плетьюми руки самых здоровых парней, каких только мне пришлось встречать на моем веку, показывали крайнюю степень утомления. Это подтверждалось полным отсутствием разговоров и шуток.

Даже командир роты с трудом удерживал себя от сна.

— Товарищ комрот, деревня свободна, Антикайнен приказал идти, — отрапортовал я и пошел обратно.

Разбуженный отряд медленно последовал за мной.

Когда я вошел в избу, Антикайнен и Лейно с аппетитом уплетали яичницу-глазунью.

Я присоединился к ним, но едва успел отправить в рот блестящий от масла, янтарный поджаренный желток, в горницу вбежала девчонка лет двенадцати и бросилась прямо в кухню, к хозяйке. Несколько секунд за перегородкой был слышен приглушенный шепот.

Полногрудая хозяйка выпорхнула в нашу горницу, подбежала к окошечку и, взглянув в него, замерла. Румянец быстро сошел с лица. Она подошла к глухонемому, дернула его за рукав и подвела к окну. Глухонемой замычал, и в этом мычании было что-то жуткое. стр. 56

Я встал и взглянул в окно. По улице продвигался наш отряд. У многих были откинуты капюшоны, и красные звезды сияли всей своей красотой.

Глухонемой обернулся к нам и залопотал что-то. Его лопотанье хозяйка перевела на финский язык:

— Господа офицеры, в деревню вошли красные! Мой муж предлагает вам спрятаться у нас под полом, пока они не уйдут, или дожждаться ночи.

— Я очень тронут, хозяйюшка, вашим любезным предложением, — спокойно отвечал Антикайнен, — но мне нечего бояться этих красных, тем более что сам я их начальник.

И с этими словами он высвободил свой шлем из капюшона и нахлобучил его на свою круглую светловолосую голову.

Глухонемой, увидев красноармейский шлем на голове того, кого он считал финским егерским офицером, издал протяжный вопль, вопль отчаяния, и, весь изменившись в лице, сразу рухнул в стоявшее рядом с ним кресло.

В этом кресле, все в том же положении, безучастный ко всему, что творилось в комнате, не издавая ни одного звука, глядя прямо перед

собой неподвижными глазами, он оставался все время, пока мы были в деревне.

Наши караулы уже оцепили деревню. Никто не мог из нее выйти без нашего ведома и раньше нас.

Суси, доедая яичницу, записывал что-то в походный дневник отряда. Его мучила мысль, что он не мог до сих пор переслать в штаб ни одного донесения, а там могли подумать, что отряд уже погиб. Он также думал о том, что отряд не получает никаких из внешнего мира, да и получить их совершенно невозможно.

Сейчас, может быть, снова объявила войну нам панская Польша или японцы пошли через буферную Дальневосточную республику на Страну Советов, а мы здесь ничего этого и не знаем...

— Матти, — обратился ко мне Суси, — сколько километров пути ты отметил на карте за эти сутки?

— Шестьдесят пять, товарищ адъютант, по линии полета птицы.

— Ты забыл наши отступления по этой линии, извилистое русло реки, наши выходы на берег...

— Тогда около ста, товарищ адъютант.

стр. 57

Солнце сияло вовсю, снежные искорки золотились на улице, переливались всеми цветами радуги и задорно хрустели.

Было великолепное зимнее утро.

В комнату быстро вошел Антикайнен. Он не взглянул на нас и не заметил даже нашего присутствия.

Не раздеваясь, казалось в полном изнеможении, он рухнул на хозяйскую кровать. Рука его свесилась с постели.

Суси, также не заметив появления Антикайнена, продолжал делать записи в своем дневнике. Услышав скрипение пера, Антикайнен тихонько приоткрыл глаза и только теперь заметил нас. Тогда он стал шарить рукой по постели и, сделав вид, что он что-то искал здесь, медленно поднялся и как бы про себя произнес:

— Нет, не то.

И уже стоял перед нами снова подтянутый, подобранный, боевой командир. Видимо, даже и перед друзьями стеснялся он показать свою усталость. Таким уж он был.

Был большой, пятичасовой привал.

Ночью мы должны были снова выйти в поход — уже в район, где находился неприятельский штаб. Ребята спали вповалку на полу в избах. Лишь некоторые счастливицы имели силы добраться до полатей или сделать себе подстилку.

Блаженное выражение полного отдыха блуждало на лицах спящих. Армас с одним курсантом забрался на мягкую постель и спал без памяти.

Перед тем как улечься на соломе на полу, я подошел и взглянул на лежавшего с краю постели Армаса.

Он тяжело дышал, руки и ноги сгибались и распрямлялись, пружиня, подобно тому как это бывает при лыжном беге. Лицо его было сосредоточенно, прерывистое дыхание вырывалось из груди.

Было ясно, что Армас шел на лыжах и во сне.

Двигая руками и ногами, он задевал своего соседа по постели. Но тот спал так крепко, что, казалось, ничто не в состоянии было разбудить его.

В тот же день, в начале второго, мы снова вышли в путь — вперед, на Реболы.

Глава седьмая

Мы захватываем Реболы.

Я снова иду в разведку.

стр. 58

Небо было черное, как и стволы мачтовых сосен, когда вокруг луны показались кольца северного сияния.

Они не походили сейчас на изображения северного сияния в хрестоматиях и учебниках географии — они не были разноцветными. Тусклый желтовато-белый свет освещал их как будто изнутри.

Луну окружили два огромных концентрических светящихся кольца. Потом ночь их размыла, и остались опять холодная огромная небесная пустыня и наш маленький отряд, идущий через лес, перелески, рощи, опушки, долины, лесные речки, по твердому насту и по разрыхленному снегу — все вперед и вперед...

И казалось, что мы идем так бесконечно, и начало похода, еще такое недавнее, совсем потерялось в таких уже далеких мирных и невозвратных днях, что даже и вспомнить трудно, были ли когда-нибудь такие дни. И трудно было подумать о том, что будет, когда поход окончится (черт подери, как натирает ремень!). И разве может он закончиться, а снега, растаяв, обнажить топкие болота Карелии?

Мы шли... Рядом со мной — Лейно.

После Челки в снегах был сделан еще один привал. Отряд приближался к Реболам. Антикайнен распорядился обойти Реболы, чтобы приблизиться к деревне со стороны финской границы, откуда нас меньше всего можно было ожидать.

Предстоял жаркий бой.

Отряд шел по склону к озеру.

Мы с Лейно остановились на минутку и пропустили лыжников. Я молча смотрел на товарищей. Перед тем как оттолкнуться палками и пойти вслед за другими, Лейно сказал мне:

— Вот смотрю я на ребят и думаю: если бы я сам не был в отряде, а так, случайно очутился в эту секунду на склоне и увидел наших курсантов, идущих как сейчас, молча, в этих белых балахонах, в свете луны по льду озера, я бы испугался и, будь я человеком суеверным, подумал бы, что идут привидения, тени людей.

И действительно, отряд в лунном свете на озере напоминал процессию призраков.

— Но только твои привидения, Лейно, слишком по-человечески, по-зверски даже дышат! стр. 59

Сильные выдохи и вдохи, сопение нарушали ночную тишину зимнего озера.

Мы шли все вперед. Лейно мне говорил:

— Я уже однажды сделал на лыжах глубокий рейд. Но тогда я был совершенно одинок и рядом со мной не было ни одной родной души... Я был захвачен под Выборгом в плен лахтарями и случайно приговорен не к расстрелу, а к десятилетней каторге. Меня вместе с другими тридцатью тысячами товарищей продавали в рабство в германские колонии, в Африку. Если бы я уважал их законы, то сидел бы и поныне в каменном мешке и не пошел бы в этот рейд. Но я уважаю только такие законы, которые помогают бить лахтарей, и поэтому, когда представился случай, я бежал из тюрьмы. Ты знаешь, что в каторжных централах ворота широко открываются только внутрь и выйти нелегко. Но я вышел...

Нас, арестованных, переводили в другую тюрьму.

На двадцать человек было четыре конвоира. Я уже заранее сговорился с товарищами, и они сделали так, как было условлено.

По дороге через лес — в пяти километрах от тюрьмы — два товарища поссорились и начали драться.

В драку ввязались еще двое. Конвоиры бросились разнимать дерущихся. Воспользовавшись этой суматохой, я, перепрыгнув через обочину, пустился наутек в лес.

Вдогонку мне раздалось несколько выстрелов, но в сумерках за деревьями не так-то легко попасть. Бежать же за мной конвоиры не решились, боясь, что тогда разбегутся и все остальные арестанты.

Разумеется, я пошел сразу же в другую сторону, а не в ту, куда меня вели под конвоем. Потом я сошел с дороги в лес, изменил направление и

снова вышел на дорогу. Я пошел по ней на восток. Шел ночью, спал днем в стороне от дороги. В обочинах было сыро. И однажды на рассвете ко мне подошел полицейский «Ваш документ!» — «Сейчас...» Я стал делать вид, что вытаскиваю из кармана паспорт, вытащил давно просроченный членский билет союза строителей (я ведь каменщик) и сунул ему под нос.

Он наклонился, чтобы разглядеть, и в ту секунду, когда он читал, наверно, слова «Профессиональный союз рабочих...», я изловчился и сделал ему нокаут под нижнюю челюсть. Он не успел прийти в себя — я ведь не стоял над ним, как арбитр, отсчитывая секунды, — как я уже отнял у него револьвер и, выстрелом ранив его в ногу, чтобы он не мог побежать за подмогой, оттащил его подальше от дороги.

стр. 60

На сутки, по крайней мере, он был для меня неопасен. С револьвером я чувствовал себя лучше; этот маузер у меня и по сей день...

— Я предпочитаю наган, — сказал я, ощупывая свой безотказный револьвер.

— Вскоре я стал на лыжи, тоже добытые таким способом, который не поощрило бы благотворительное общество разведения канареек, а судья — тем более, — продолжал свой рассказ Лейно, — и пошел на восток.

Я шел семнадцать дней и перешел границу в Олонецком районе. Дальнейшие мои приключения тебе, Матти, отлично знакомы, но никогда до сих пор я не думал, что проклятые плечи могут так болеть от потери.

...Было уже два часа.

Пришли разведчики, несколько разочарованные: по их словам, в деревне Реболы не наблюдалось не только неприятельских крупных сил, но даже постов. Все это противоречило и нашим предположениям, и показаниям пленных, и желанию уничтожить неожиданным налетом центр.

Оторванные от всего мира мы не знали, что в те дни противником у Андроной горы был почти уничтожен красный батальон с трехдюймовками. Мы находились в очень глубоком тылу.

Антикайнен решил послать вторую разведку.

Отряд остановился в лесу. Чтобы не привлекать ничего внимания, костра не раскладывали.

Было очень холодно. Начиналась карельская таежная вьюга. Снег набился за шиворот, ветром его швыряло в глаза. Плевков шлепался на снег уже ледышкой.

За хлопьями бурана в черноте январской ночи в двух шагах нельзя было отличить человека от сугроба, наметенного около ели.

Вьюга заносила лыжный след через несколько минут после того, как он был проложен.

Разведчики долго не возвращались.

В свисте резкого ветра мне слышалась отдаленная стрельба. Неужели наша разведка завязала и погибла?

Может быть, мы еще можем спасти ее, а стоим без движения здесь, в глухом лесу, и замерзаем без всякой пользы для дела! Антикайнен обошел отряд; за ним шел Хейконен. Он сказал мне:

— Если через двадцать минут разведка не придет, мы налетаем на деревню. стр. 61

Я пытался пробуровать тьму метельной ночи, бросавшей в глаза острый, колючий снег. Мне даже казалось, что я вижу очертания деревенской колокольни.

— Развертывайся! — дал уже команду Хейконен, когда неожиданно, как бы выростал из наметенных сугробов, появились разведчики.

Они отрапортовали, что никаких следов неприятеля ни в деревне, ни около нее не замечено.

Разведчики обошли почти все избы, прошли даже по главной улице и ничего подозрительного не обнаружили.

Весь отряд разбился на три колонны и, каждую секунду остерегаясь попасть в заранее устроенную засаду, пошел в деревню.

«Теперь бы теплую русскую печь или хоть полати в курной избе, но только в закрытом помещении!» — мечтал я, с трудом передвигая ноги.

Сведения разведчиков о полном отсутствии в деревне врагов произвели на нас неожиданное действие. Я и еще многие ребята, которые последние километры шли на нервах, сразу размагнитились. Почувствовалась непреодолимая, свинцовая усталость в ногах, мешок за плечами стал в десять раз тяжелее, и потертость плеч чувствовалась сильнее, чем ожоги.

Я задремал на ходу. Как это случилось?

Помню лишь сквозь дымку обрывающегося полусна, как я лежу на снегу и хочу спать, помню наклоненное надо мной круглое, скуластое лицо Армаса, иссеченное мелкими, острыми снежинками.

— Матти, вставай! Надо идти — выспаться успеешь в Реболах. Так ты замерзнешь.

Я иду, помогая себе лыжными палками: подбородок мой то и дело ударяется о ремень винтовки. Никакие усилия не могут расклеить моих

плотно слепившихся век. И я отчасти даже доволен этим. В уши мне рвется свист вьюги, и я шепчу себе:

— Матти, самое главное — дойти. Дойти — самое главное в этом деле, Матти... Отстанешь — замерзнешь наверняка или тебя загрызет волчица. Плохо бывает, Матти, когда грызет волчица: сначала один палец, потом другой, потом всю руку — и доберется до сердца...

И так, в полусне, шел я на лыжах. Так всадники спят в своих седлах, на секунду раскрывая глаза, когда оступится конь.

Как мы вошли в деревню, не помню.

стр. 62

Разведчики были правы: лахтарей в деревне не оказалось.

Помню свои отрывочные мысли: «Почему почти не видно местных жителей?»

Помню свое удивление перед колокольной. Она была совсем не такой, какой я ее представлял издали, и совсем в другом конце деревни. Как мы разместились по избам и как я заснул — тоже не помню.

Один раз, очнувшись, как от бреда при тяжелой болезни, я увидел около ребят жирного человека в поповской рясе — он что-то пел, стоя над спящим Лейно в мигании слепо горящей лучины. Он повернулся к командиру роты и стал его о чем-то умолять.

Потом я опять провалился в бездонный сон. И, проснувшись опять на секунду, — должно быть, уже около рассвета, — увидел человека с длинными волосами, в поповской рясе, храпевшего на полу в обнимку со спящим Армасом.

Проснулся я от резкой боли в плече. Передо мной стоял товарищ Хейконен и похлопывал меня легко по плечу.

— Что, и у тебя плечо стерто? — Он покачал головой.

Было уже совсем светло. Буран прошел, и свет холодного солнца, проникая сквозь замерзшее окно избы, ложился на пол ярко-желтыми квадратиками.

Левое плечо мое было натерто до крови.

За ночь рубашка присохла, и отдирать ее было очень больно.

— Я помогу тебе, дам хорошую мазь, — обратился ко мне человек в рясе. — Ты только дай мне рюмочку спирта.

Это был действительно местный поп, человек противный и неповоротливый, как черепаха, и такой же, казалось, безвредный. Он был уверен, что нет такой армии, которой он не мог бы продать свои молитвы. Но, впрочем, больше всего ему хотелось выпить. Как он узнал, что курсантам выдали по фляге спирту, — это его тайна, но только явно было

одно, что, как его ни гони, он не отойдет от нас, пока мы не дадим ему выпить.

Спирт почти весь уже вышел. Благодаря ему мы могли похвастаться малым числом обмороженных пальцев, носов, ушей. Растирать спиртом замерзающие руки и лицо было иногда необходимо, а тут канючил еще этот пьяный попик.

Я спирта ему не дал и чудодейственной мази не получил. Синий шрам на плече и по сей день очень интересуется моего семилетнего сына Лейно, названного так в память погибшего товарища. стр. 63

Но тогда шрам был багрово-красным и сочился кровью. Кожи на стертом месте плеча уже не было, открытое мясо натирало суровое полотно рубахи. Так было не у одного меня. Мне было, пожалуй, еще легче, чем другим: у меня были в целости ноги — ни одной кровавой мозоли и ни одной дыры в валенках.

— Ты хорошо спал всю ночь, Матти, — сказал мне командир. — Теперь ты пойдешь в большую круговую разведку. Лахтари ушли из деревни часов за пять, за шесть до нашего вступления; их было триста человек. Штаба здесь нет уже очень давно. Некоторые говорят, что он находится в Кимас-озере, другие — что поблизости, в одном из окрестных селений. Жителей в селе тоже почти нет. Часть мобилизована лахтарями в бандитские отряды, часть угнана с лошадьми в порядке гужевой повинности, а другие — среди них много женщин — попали на лесоразработки. Реки отсюда текут в Финляндию, и вот лесопромышленники вовсю стараются, чтобы к весне заполучить лес ценой пяти пальцев. Это все, что удалось узнать от оставшихся жителей, в какую сторону ушли отсюда лахтари, неизвестно: следы их замела вчерашняя буря. Мы будем здесь сутки. Радиус твоей разведки невелик — пятнадцать километров. Так что, когда ты возвратишься, мы еще будем здесь. Можешь идти.

И я пошел, оставив часть поклажи в избе.

За мной увязался попик. Он просил дать ему глотнуть хотя бы полрюмочки, обещал за глоток фунт хлеба. Это было очень кстати: накануне вечером, в лесу, ожидая исхода разведки, я сжевал последнюю сухую корку, и из всего запаса оставалось несколько кусков пиленого, вернее — спрессованного сахара, немного кофе и пять-шесть глотков спирта. У других ребят с пищей было не лучше. Приходилось на поясах прокалывать новые дырки.

У населения Ребол давно уже ничего не было.

«Карел кору ел» и без вмешательства лахтарей, теперь же почти ничего не осталось, чтобы подмешивать к коре. Лишь полные клюквой и брусничкой бочки в избах да дичина говорили о том, что до весны, может быть, как-нибудь удастся протянуть местным крестьянам. Поэтому предложение попа было очень кстати. Он дал мне два фунта хлеба, но, как полагается, обжулил и отпил из фляги три глотка.

стр. 64

Я шел в разведку на северо-запад, вдоль по берегу. Солнце освещало мой путь. Белый маскировочный халат хорошо скрывал меня от непрошенных взглядов.

«Если бы я не знал, что иду по этой тропе, то сам бы себя не заметил», — подумал я.

Но здесь концы моих лыж уткнулись во что-то твердое, черневшее из-под снега. Я пригляделся, палкой сбил снег.

Передо мной, несомненно, лежал труп; вблизи от него распростерлись еще два изуродованных тела.

Это было в двух километрах от деревни. Черепа у всех были проломлены — казалось, обухом топора. У убитых брюки были спущены, сапоги сняты. Трупы застыли на морозе, и поэтому трудно было разобрать, давно ли они лежат.

Надо было идти дальше. Я налег на палки. Отдых одной ночи сказывался.

Так я шел полчаса спокойно, без всяких встреч, но вскоре услышал внизу по реке женский голос, напевавший заунывную финскую колыбельную песню, такую, какой убаюкивали нас наши матери в раннем детстве. Я остановился на секунду.

По льду замерзшей реки навстречу мне шла женщина. Она несла в руках сверток, который укачивала и пыталась согреть своим дыханием. За ней, цепляясь за подол, дыша на свои пальцы, всхлипывая, тащился мальчик лет десяти.

— Стой! Куда?

— В Реболы! — закричала женщина. — Неужели же мне до конца жизни моей не попасть в Реболы? Дитя совсем замерзнет! — И она ткнула мне под нос сверток.

Это действительно был укутанный младенец. Меня поразило, что пар дыхания не поднимался из его рта. Было никак не меньше тридцати градусов. Солнце отражалось в каждой снежинке.

Плакавший мальчик, увидев меня, притих на минуту.

— Лахтари вы, вот кто! — сказала мне женщина.

— Что произошло?

В ответ она начала всхлипывать. Она, казалось, была не в своем уме.

— Выехали из Кимаса в Реболы, в гости к сестре, и вот на рассвете встретился мне отряд лахтарей. Отняли лошадь, сбросили меня с детьми с саней, повернули их в другую сторону и сами на них уехали. А у меня мальчишка уже совсем замерз, — и ткнула пальцем в мальчика, который снова принялся всхлипывать. — Слава богу, этот успокоился! — Она кивнула на сверток.

Я наклонился над ним. Ребенок был, по-моему, мертв.

— Сколько до Ребол?

— Не меньше восьми километров...

— Иди сюда, — поманил я мальчишку, — дай руки!

Он протянул мне ручонки. Пальцы его начинали уже коченеть. Я вылил последние капли спирта из фляги и стал растирать руки мальчугана. Сначала он даже заревел от боли.

Мне надо было продолжать свой путь, и женщина, вымаливая у господы тысячи благословений на голову доброго лахтаря, побрела, с трудом вытаскивая ноги из снега, к оставленной мной деревне.

Я шел дальше, и с каждой секундой мне становилось яснее, что младенец, которого ублаживала эта женщина, был мертв.

Уже наступали сумерки, когда я услышал в глубоком отдалении человеческие голоса и удары топоров, подобные стуку дятла. Я стал осторожно пробираться на звук.

Вскоре за деревьями я заметил людей и, спрятавшись за широкий ствол вековой сосны, стал наблюдать.

Люди (по их полушубкам, финским ножам, валенкам можно было сразу определить, что это местные крестьяне) подрубали сосны, валили лес, очищали стволы от веток.

Делали они это нехотя, не торопясь. Несколько поодаль, у костра, стояли два человека с винтовками. Они резко выделялись среди работающих по одежде и выправке. Серое сукно шинелей и фуражки, похожие на шапки егерей, выдавали их.

Я был так близко, что великолепно слышал, как один из них насвистывал неизвестный мне мотив.

Я запомнил этот веселый мотив, и, перенятый мною со свиста, он после отлично высвистывался и Армасом, и Лейно, и Антилой, и другими курсантами.

Здесь же были и землянки для работающих.

«Ах так! Хотите сплавить в Финляндию и дальше, в Англию, наш трудовой карельский лес? Не пройдет номер, не пропустим! Тоже хозяева нашлись!» — думал я, глядя на раскрывшуюся передо мной картину.

В мою голову даже и такая мысль заползла: не подстрелить ли мне из моего прикрытия двух охраняющих егерей и не выскочить ли после этого к работающим крестьянам, объявив, что я вестник красных, передовик, и приказываю им мобилизоваться против лахтарей. Но я вспомнил параграфы устава о разведке, своем задании, о том, что, если хоть кто-нибудь из врагов узнает о движении нашего отряда, все дело может погибнуть. Это удержало меня от ложного шага.

стр. 66

Запомнив все, что видел, я повернул обратно.

Я не хотел прокладывать особый, свой лыжный след, по которому меня могли бы догнать, если бы заметили, и неожиданно пустить в спину пулю. Нашел чужой след и пошел по нему. Это была счастливая мысль, потому что след был проложен, по всей вероятности, десятником на работах.

Сделав тридцать–сорок шагов, я увидел лежащую в снегу книжку в синей обложке. Она могла сослужить службу в разведке. Я поднял ее. Это были незаполненные бланки расписок в получении заработной платы лесорубами акционерной финской компании «Гутцейт». Незаполненные бланки говорили гораздо больше, чем хотелось бы этой солидной фирме.

«Эта штука мало поможет в оперативной разведке, — подумалось мне. — На уроках политграмоты она пригодится больше».

Других приключений на обратном пути со мной не случилось, и я шел спокойно и даже не особенно торопился, как будто на дальней прогулке.

Я шел по снегу и, глядя на кончики лыж, вспомнил, как в юности попались мне три томика Джека Лондона. С каким нетерпением ждал я конца рабочего дня, чтобы бежать к себе в каморку и погрузиться в чтение. Какими необычайными и невозможными казались подвиги и герои этих книг и как хотелось хоть на минуту походить на них!

А сейчас я иду один, почти у Полярного круга, через далекий лес.

И такие же трудные морозы, и такие же ночевки в лесу на снегу, и куда более быстрое движение без помощи собачьих упряжек — все те же самые трудности, только вдобавок за каждым стволом сосны, может быть, спрятаны и поджидают меня вражеские снайперы. Их заветная мечта — уничтожить все, что мне дорого, за что дрался я на многих фронтах, уничтожить и меня самого; а я вот иду как ни в чем не бывало, и все это необыкновенно просто.

Вот я даже и засвистеть бы мог, если бы не опасность: было уже темно, и пуля найти меня могла только по этому свисту.

Джеклондоновские парни богатели, как черты, от таких своих приключений и подвигов, а мы? Те, кто из нас вернутся, — вернутся такими же парнями, какими вышли из школы в этот рейд. Но им будет принадлежать Карельская республика, и Украинская, и все Советское отечество!

Ясная январская полночь стояла над Реболами, когда меня окликнул стоящий в дозоре Армас.

— После рапорта пойдешь и выспишься. Утром уходим, — сказал он мне. — Брусники с клюквой и мяса на твою долю я уже взял.

Что и говорить, Армас любил поесть! Ел он, когда было что, очень аппетитно. Жаль, ему не досталась крынка с молоком у немого кулака.

Я доложил обо всем, что разведал, товарищу Антикайнену.

Сразу за мной пришли в избу командира разведчики со стороны Колвас-озера и Емельяновки.

— Штаб неприятеля, очевидно, в Кимас-озере. Туда мы выходим на рассвете. Всему местному населению сообщите, что нас полтысячи и что мы — только передовой отряд, за которым движется еще несколько полков. Про трупы у реки я уже знаю. Это члены волостного исполкома, убитые лахтарями, и товарищ Юстунен, школьный учитель, финн, коммунист, — его взяли из школы во время занятий в классе и застрелили в лесу. Но с нами так легко не справиться. — Антикайнен выпрямился во весь рост, и тень, колеблемая тусклым пламенем, закачалась на потолке и стенах избы. — С нами так легко не разделаешься!... Иди, Матти, спать, — обратился он ко мне. — Можешь идти, Матти.

На крыльце стояли два мальчика. Она вопросительно посмотрели на меня.

— Идите, идите, ребята! — стал прогонять их старик сторож.

Но один из мальчиков решился и подошел ко мне:

— Мы хотим тебе, товарищ начальник, рассказать про нашего учителя. — Ребята очень волновались. — Двадцать первого ноября мы занимались в школе. Был урок арифметики. Мы дошли уже до самых дробей. Учитель наш, Юстунен, только начал объяснять нам про дроби, как вдруг в класс вошли пять мужиков с ружьями. Там был Осип Сергеев из Лув-озера...

— И Алексей Васильевич из Березовского-наволока, — вставил второй мальчик. — И еще главный их — Александр Никитич из Челмужи. Все кулаки. Они сказали учителю: «Ты коммунист», взял его с собой и увели, и уроков с тех пор у нас уже два месяца нет. На чем остановились, на том и стоим... стр. 68

— Да погоди же! — продолжал рассказ первый мальчик. — Вечером мы пошли вдвоем снова в школу. В школе арестованных держали. Мы попросил, чтобы нас пропустили к учителю, потому что мы ему табаку покурить принесли. Он очень обрадовался, когда увидел нас, и сказал, что его теперь, наверно, заберут лахтари, и просил не забывать его, навещать и передавать привет другим ребятам.

На другое утро мы пришли навестить его, но сторож сказал, что арестованных увели в другую деревню. Мы пошли сзади по следам. Скоро мы услышали, как стреляют в лесу. Мы перепугались и побежали домой. На третий день мы снова пошли по следу и увидели, что учителя нашего убили. Он лежал за бревном, и там было еще двое убитых. Я целый месяц один боялся в темноте оставаться, а другие ребята не верили, что убили учителя, но в ту сторону леса боялись идти. Мы тебя, начальник, проведем туда завтра. Теперь у нас занятий ведь нет.

— Не надо, я уже видел сам, — ответил я ребятам и вышел из школы.

На крыльцо поднимался другой разведчик-курсант. Он шепнул мне радостно:

— С юга подходят к Реболам части южной оперативной колонны наших войск! Они скоро займут село.

Я пошел в избу, где расположился мой взвод.

Почистив лыжи и приготовив снаряжение к утреннему походу, я улегся на солому. Укладываясь, я увидел на полу большое пятно — доски пола обуглились в середине избы и были совсем черны.

Лейно проснулся и подвинулся, чтобы уступить мне местечко рядом с собой.

— Почему пол горел, Лейно, не знаешь?

— Как не знать! Хозяйка говорила. Лахтари хлеба требовали, и один из них разложил костер на полу и угрожал сжечь избу, если не выдадут пуд муки. Хозяйке пришлось последний пуд отдать. Вот какие дела...

И мы заснули.

Если бы не ныли натертые плечи при поворачивании с боку на бок, стр. 69
то всем моим друзьям я пожелал бы всегда так крепко и глубоко спать, как я спал тогда.

Очнулся неожиданно — как бы вынырнул из глубокого сна. Почти весь отряд был готов к выходу. Лейно рядом с нами не было.

— Где Лейно?

— В соседней избе — повивальной бабкой!

— Как?

Выстроив взвод и отдав команду об отходе вслед за вторым и третьим взводами, я забежал в соседнюю избу.

В первой, совершенно разоренной горнице сидела женщина, та самая, которую я встретил вчера на пути. Волосы ее были распущены. Она сидела в тулупе, но босиком, и не отвечала ни на одно мое слово.

Из соседней комнаты раздался вдруг раздирающий душу вопль, но женщина будто и не слыхала его.

Она продолжала напевать колыбельную. И сразу вслед за воплем я услышал в соседней комнате голос Лейно:

— Ну, милая, крепись, крепись! Скоро, должно быть, все пройдет... Крепись, дорогая!

Я вошел в соседнюю комнату. На пороге меня встретил и не узнал мальчишка, которому я вчера оттирал спиртом руки. У него был испуганный вид, глаза его блестели в полутьме.

На кровати металась мучимая предродовыми схватками молодая женщина. Крупные капли пота выступили на ее лице.

Лейно держал в руке кружку с водой:

— Выпей глоток, милая! Хлебни глоток, может, лучше станет... — У него вид был растерянный. Первый раз приходилось выступать ему в роли повивальной бабки.

Мальчик со страхом и любопытством следил за всем, что происходило.

— Лейно, мы уходим, — сказал я.

— Матти, я не могу оставить так бедную женщину. Разреши мне задержаться на полчаса, на час. Я догоню отряд. Ведь на лыжах я хожу не хуже Армаса, — попытался он шутить.

Но громкий вопль страдающей женщины прервал его слова.

— Ладно, догоняй! — крикнул я товарищу, быстро выскочил на улицу и пошел за отрядом.

«Нервы, что ли, испортились у меня, что не могу выносить криков роженицы? Ведь это — обычное дело». И чтобы немного успокоить себя, я стал насвистывать мотив, подхваченный мной вчера у лахтаря. Так я поравнялся с Армасом.

И мы пошли рядом.

Глава восьмая

Без дороги в лесах.

В тылу неприятеля. Идем вперед.

Мы снова шли без дорог по глубокому снегу, через труднопроходимый лес. Опять шуршание поднимаемого лыжами снега, опять обильный пот, прошибающий даже полушубки, опять мелькание сосен и снежная пыль. Что нового было в этом переходе?

Разношенные валенки, теряющие свою форму, пища, сводящая животы. Ведь мы шли уже без хлеба. Брусника, несколько картофелин и кусок вареного мяса — вот наша еда. В Реболах зарезали несколько коров. Некоторые ребята брусникой пренебрегали — у них животы сводило от резкой боли. Но такая пища сказывалась на всех. Потом появились нарывы. Нарывы на ногах, бедрах, спине. Они лопались, и белье прилипало к телу. Каждый раз, когда после остановки надо было идти вперед, приходилось осторожно отдирать материю от тела. Но мы все-таки шли вперед!

Шли быстро и на растертых своих плечах несли все, что нужно было, чтобы прописать лахтарям «лечение», от которого им никак уже не оправиться.

Так мы дошли до деревни Конец-остров, вблизи которой наши разведчики обнаружили небольшие неприятельские заставы.

Наша разведка пошла в атаку. Лахтари стали отступать по направлению к Ровкулам. Отступали быстро. Антикайнен выслал подкрепление нашей разведке. Мы пока расположились в Конец-острове и ждали результатов.

Когда мой взвод вошел в деревню Конец-остров, я приказал занять крайнюю избу, чтобы расположиться в ней на краткий отдых.

В избе мы нашли только одного дряхлого, совсем седого старика. Он бросился нам радостно навстречу и, видя, что я командир, спросил:

— Вы кто: белые или красные?

Соблюдая конспирацию, я сурово ответил:

стр. 71

— Разве ты ослеп от старости и не видишь, что мы белые и боремся за то, чтобы Карелия была только для карелов?

Старик карел сразу как-то осунулся, помрачнел, сел в угол и стал вздыхать. Наконец на что-то решилась, он быстро перекрестился и снова подошел ко мне:

— Зачем ты обманываешь старого человека? Вы от меня не скроете, что вы красные: это я по вашим штыкам сразу отличил. У белых совсем другие штыки, и они их не так носят.

Старик был прав и неправ. Белогвардейские активисты, шюцкору и кулаки были вооружены винтовками самых разнообразных образцов: и русскими, и немецкими и даже японскими.

Я промолчал в ответ, а старик, видя в молчании моем подтверждение своих догадок, радушно захлопотал, стараясь, чтобы мы поудобнее устроились на отдых.

...Разведка вернулась поздно ночью.

Неприятельский отряд, очевидно не ожидавший нападения, после небольшой перестрелки отошел в Финляндию.

Наша разведка дальше преследовать не стала и, не доходя двух-трех километров до границы, повернула обратно: легко было попасть в засаду.

Отряд утром снова вышел вперед — вперед, на Кимас-озеро.

Нам оставалось до цели по линии полета птицы около шестидесяти километров, но птицам, как известно, не приходится пробираться сквозь густой лес, где каждое дерево, каждый хвойный куст цепляется за тебя и хочет задержать; птицам не приходится тащить на себе легкие пулеметы.

Тяжесть легких пулемотов, когда идешь по снегу больше недели и питаешься печеной картошкой и брусникой, тоже достаточно велика.

Озер в лесах Карелии очень много. Высокий вековой бор вдруг расступается и уступает место озеру. Лесные озера, окруженные мачтовым лесом, как и у меня на родине, в Суоми, изобилуют рыбой и очень тихи. И когда идешь по лесу, иногда не ждешь, что через несколько шагов появится озерная гладь. На берегу таких озер строятся рыбацьи бани, низенькие курные хибарки.

Почти весь этот день мы двигались совсем без дорог, против сильного, острого, до костей пронизывающего ветра. Он пробирался даже и через густой лес.

Под вечер начался буран.

Идти дальше было очень трудно не только для Армаса.

стр. 72

Мы прошли уже около двадцати километра, когда вдруг лес расступился перед нами, чтобы дать место заколдованному озеру. И здесь я увидел рыбацью баню. Лейно шепотом, похожим более на крик — так как шептать приходилось ему против бури — обратил мое внимание на легкий дымок, восходящий к морозному небу.

Луна уже сияла на темном небе.

Мы втроем — Лейно, Армас и я — подошли к бане. Армас занял пост у крошечного оконца, покрытого ледяной росписью, Лейно во весь рост встал у дверей, а я, с силой распахнув дверь, вошел в избу. В горнице было очень жарко натоплено и совсем темно. Из одного угла долетал мерный, спокойный храп. Я зажег спичку. От чирканья спичкой по ребру коробки человек проснулся и забеспокоился:

— Кто это?

— Свои! Выходи, тебя ждут ведь!

Человек, кряхтя, стал собираться.

— Да быстрее же, тебя ждут ведь!

Человек подошел к двери, но на пороге, преграждая ему путь и направив дуло винтовки прямо в грудь, стоял Лейно. Мой наган был уже у виска незнакомца.

— Руки вверх!

Так мы захватили в этой лесной бане этап белой эстафеты и одного эстафетчика.

Испуг и изумление — в особенности изумление — так ярки были написаны на его лице, что меня разбирал смех. Лахтарь этот оказался разговорчивым.

Антикайнен и Хейконен выведали у него много очень интересных для отряда сведений.

...Буран все разыгрывался.

Мороз достигал тридцать семи градусов.

Дороги не было, а тут, как назло, отказались служить компасы. Все они показывали по-разному. До сих пор я не могу себе объяснить это явление.

Совершенно ясно, что продвигаться в таких условиях сейчас же вперед было рискованно. Антикайнен отдал распоряжение сделать большой привал.

Я нанес пройденный путь на карту и вышел из бани помогать ребятам строить шалаши из ельника — свежего, пахучего колкого ельника. Другие ребята складывали ракатулет.

На теплой еще постели эстафетчика улегся поспать на несколько часов Антикайнен; затем его место должны были занять командиры Хейконен и Карьялайнен. Они спали по-очередно. стр. 73

Я уже устроил себе матрац из можжевельника и собрался заснуть, как увидел быстро идущего со стороны озера человека. Это был совсем незнакомый мне человек, и одежда его не походила на нашу.

«Надо будет проверить, как это дозорный прозевал постороннего», — подумал я и встал навстречу идущего.

Хейконен был уже рядом со мной.

Человек с винтовкой германской образца за спиной подошел к командиру, отдал честь и, вытащив из своей походной сумки небольшой пакет, передал ему в руки.

Хейконен взял пакет и, выразительно смотря на пришедшего, подмигнул мне. Я сразу понял немой приказ и, став позади этого типа, вытащил свой наган.

— Довольно шутить! — вдруг сурово произнес командир. И обращаясь ко мне: — Товарищ комвзвода, арестуйте этого человека!

Забавно было смотреть на растерянное лицо лахтаря. Он сначала подумал, что товарищ Хейконен ошибся, потом — что сам он сошел с ума. Однако, увидев у своего виска дуло нагана, эстафетчик, очевидно, убедился в реальности происходящего.

— Товарищ командир, куда его прикажете отвести? — спросил я, обезоружив пленного.

Слово «товарищ» в обращении к командиру, очевидно, окончательно убедило захваченного, что он попал к красным; он сразу замолк, и ни одного слова я от него больше не услышал.

— Отведите его к первому пленному.

Письмо, врученное эстафетчиком товарищу Хейконену, заключало в себе очередное распоряжение командующего фронтом Илмаринена начальнику заставы Конец-острове, фельдфебелю Риута. В распоряжении, между прочим, говорилось о том, что до штаба доходят смутные слухи о появлении около Ребол какой-то красной банды — вероятно, местной

партизанской; требовалось немедленное донесение, соответствуют ли эти слухи действительности, и сообщалось, что на всякий случай для усиления отряда Риута к нему из Кимас-озера выходит подкрепление, которое прибудет в Конец-остров не позже чем через двадцать четыре часа после письма.

Значит, отряд Риута отошел через Ровкулы в Финляндию. Значит, через несколько часов нам предстоит встреча с подкреплением, идущим из Кимас-озера. Значит, в Кимас-озере ничего не знали по-настоящему о нас. стр. 74

Пока все было благополучно, если не считать нескольких случаев рвоты у ребят. Если бы не мы сами зарезали коровы, мясом которой питались, никто не усомнился бы, что мы питались какой-то падалью.

Антикайнен усилил караулы.

Медленно проходила зимняя метельная ночь в лесу у ракатулетов. Решительный бой был близок.

По рассказу эстафетчика, в Кимас-озере было больше трехсот вооруженных лахтарей да и в ближайших деревнях не меньше того. Мы были в самом центре вражеских боевых сил и на расстоянии трехсот километров от своих.

Утром мы снова пошли вперед, таща на себе боевой груз, отоцав, как кони от бескормицы, готовые каждую секунду принять бой. Снова мелькание палок, сосновых стволов, снова хрустящий снег под скользящими лыжами, снова перелески, овраги, снова лес, замерзшие речки и лесные озера...

Мы идем вперед. Метель улеглась спать в пуховые сугробы.

— Кстати, Лейно, кто родился: мальчик или девочка?

— Гражданин Советской Карелии, — улыбнулся Лейно.

— Нажимай, нажимай, ребята! — подгоняет Антикайнен. — Товарищи, кто из вас говорит с карельским акцентом? — спрашивает он.

Вызвались Рахияки и Яскелайнен. Им еще до революции приходилось бывать в Карелии на лесоразработках. Никогда не думали их родители, что они будут учиться на красных командиров, — судьба готовила им профессию лесорубов.

Мой взвод был головным, Рахияки и Яскелайнен пошли с моим взводом.

— Крепкий мальчик, говоришь? — обращаюсь я к Лейно на ходу.

— Спрашиваешь! — торжествующе отвечает он. — У такой акушерки да чтобы плохой был!

Мы идем впереди своего отряда в белых балахонах без всякой дороги. Груз давит мне на плечи, но, черт побери, не все ли равно теперь уже! Завтра, может быть, из всего отряда ни одного парня не останется в живых. А какие парни, какие молодцы!

— Иди, иди живее! — покрикиваю я на пленного эстафетчика, который ведет нас по им же самим проложенному следу.

И вдруг замечаю: метров за пятьдесят идет навстречу группа людей — вооруженных, одетых не по форме, но не совсем штатских. Они увидели нас и остановились. стр. 75

— Начинай! — дал я знак Рахияки.

Рахияки протяжным напевом, напоминающим русский, запел песню по-карельский.

Пел он спокойно и медленно, и шли мы тоже медленно, внешне не принимая никаких мер предосторожности. На самом же деле я, взяв одну из палок под мышку, освободившейся рукой поворачивал под балахоном барабан нагана, ощупывая, все ли патроны на своих местах в гнездах.

— Тоже господин фельдфебель дает приказания! — деланно недовольным тоном перебил песню Яскелайнен. — Пошел бы в такую дорогу сам Риута!

Эти слова, несомненно услышанные лахтарями, окончательно убедили их в том, что мы свои.

— Кто вы?

— Из отряда Риута. Нет ли у вас, ребята, покурить? — приостановил свой запев Рахияки.

Мы въехали в середину отряда противника. На двух лахтарях были форменные егерские шапки. Нас было девять, их — десять.

— А мы на помощь отряду Риута. Действительно красные бандиты у вас там зашевелились?

— Сказки одни! — ответил Лейно. — Откуда им здесь взяться?

— А если бы и взялись, так смерти своей не порадовались бы, — вступил в мирную беседу лахтарь в егерской шапке, парень лет двадцати.

Во время разговора, который мы вели нарочно в замедленном темпе, передовая часть отряда незаметно подошла к месту действия и почти вплотную окружила нашу группу. Куст можжевельника качнулся; подошедший Армас дышал прямо в затылок. Я живо обернулся, увидел поднимающийся пар его дыхания и громко крикнул:

— Смирно, слушай мою команду! Руки вверх!

Лахтари не успели даже толком сообразить, что и почему, как были захвачены и разоружены. Впрочем, они и не думали сопротивляться.

Самый старший из них — человек с окладистой русой бородой — ответил Антикайнену на вопрос, как он попал в отряд.

— Как не попасть, когда мобилизация поголовная, от восемнадцати до сорока лет! — И он злобно плюнул на снег. — Когда они пришли сюда из Финляндии, говорили, что им семь держав помощь посылают, и хлеба семь миллионов килограммов уже в пути находятся, и продналог и продразверстку совсем, навсегда отменяют. Многие тогда сдуру и записались сами. Ну, а я сам-то мобилизованный, силой мобилизованный.

Из десяти человек семь оказались мобилизованными.

Двое, в егерских шапках, прибыли из Финляндии в момент восстания.

Один из них, по-видимому начальник группы, был студентом Хельсинкского университета, другой — сыном деревенского торговца.

Это были «освободители» Карелии. Они «освободили» ее от всего того немногого, чем она до того владела: они и подобные им «освободили» от жизни тысячи финских рабочих, и, если бы могли, они, не задумываясь, перерезали бы сотни тысяч русских рабочих...

Студент замкнулся в себе и все время молчал.

Второй же сначала, видимо, очень боялся, что мы прикончим пленных таким же манером, каким в подобных случаях действовал он сам; но, видя, что мы, кроме жесткого допроса, ничего с ним не собираемся делать, разошелся, начал болтать и говорить даже то, о чем его никто и не спрашивал. Через полчаса он даже обнаглел и развеселился.

От пленных мы узнали, что следующий этап связи находился в рыбацких хижинах, верстах в четырнадцати от Кимас-озера, что туда должен скоро прийти, а может быть, уже и пришел второй отряд, идущий на помощь фельдфебелю Риута.

Мы пошли вперед.

У нескольких пленных сняли верхнюю одежду — их полушубки, валенки, варежки, шапки, — и, по приказанию нашего изобретательнейшего командира товарища Антикайнена, Рахияки, Яскелайнен и Лейно нацепили на себя всю эту сбрую и отправились минут на восемьдесят ходьбы впереди отряда. Они должны были явиться в лесную избу и сказать, что фельдфебель Риута сам со своим отрядом идет из Конеч-острова в Кимас-озеро, что никакой опасности нет и что лучше всего лишних сил на ходьбу. Во время этих разговоров отряд должен окружить избу со всеми, кто в ней находился, потому что ни один человек не

должен проскочить в Кимас-озеро раньше нашего отряда.

Это было условие, не выполнив которое мы сразу проиграли бы все. Один человек, видевший нас и не захваченный нами, означал бы полную гибель нашего отряда.

Мы шли вперед, осторожно следя за каждым деревом, за каждым кустом. Лишних выстрелов не могло быть. Каждый выстрел был бы здесь лишним.

Уже кончился короткий зимний день, и ночь полностью охватывала леса со всей пернатой, и млекопитающей, и плохо питающейся — как мы, например, — живностью, когда мы увидели яркий костер у рыбацких изб.

Около избы стояли сани. Несколько человек беседовали у костра с нашими посланцами; беседа протекала, по-видимому, мирно. Развязываются кisetы, и запах табака-кепстена тревожит наши привыкшие к махорке ноздри.

Мы окружили избы. Подходим к ним всё ближе, почти вплотную.

И вот резкая команда:

— Смирно, руки вверх! Кто побежит — будет мертв!

Все застыли в изумлении от неожиданности, но один из них сделал резкий скачок в сторону от костра, к лесу. Я, не успев прицелиться, выстрелил в него из верного моего нагана. Однако он исчез в темноте.

Я побежал за ним. У него было преимущество; он был в темноте — я шел от костра на него. Но я тогда об этом не думал. Главное — не упустить. Главное — не дать ему уйти.

— Сдайся, и ты будешь жить! — крикнул я.

Но в ответ получил дикую ругань, и выстрел едва не ожег меня.

На вспышку выстрела я выпустил один за другим три патрона.

Ответа не последовало. Я прошел вперед.

В пяти шагах от меня лежало еще теплое тело. Человек был мертв.

Десять пленных были живы. А всего мы захватили за сутки двадцать человек. Их надо было отправить в тыл, в Реболы, куда уже должна была прибыть часть южной колонны.

— Ночевать будем здесь, — объявил нам Антикайнен с веселой усмешкой. — Можете заваривать в котелке весь ваш чай. В Кимас-озере получим новый, а до него всего четырнадцать верст.

И мы расположились на последнюю нашу ночевку перед решительным боем. Может быть, последнюю ночевку для большинства из нас...

стр. 78

Костры горели ярко — я никогда не видал таких ярких костров, как в ту ночь. Я у костра отчерчивал сегодняшний путь на карте, когда Суси встал и пошел от рыбацких хижин.

— Куда он? — спросил я у сидевшего рядом со мной командира роты Хейконена.

— Завтра утром — решающая операция. Суси сам пошел в разведку.

Пленный, сынок торговца из Финляндии, тем временем совсем разошелся:

— Зачем я пошел в армию и сюда, в Карелию? А потому, что с детства еще очень люблю командовать. Я хочу офицером стать.

Другой пленный, студент, смотрел на красную с нескрываемым презрением.

— На нашу голову офицером стать захотел! — хмуро вставил пленный, мобилизованный лахтарями уроженец Конец-острова.

— Тоже человек! — сказал бородач, обращаясь к Армасу. — Неделю назад, когда некоторые ребята наши сказали, что не хотят драться с красными, как собака перед строем забегал, маузер вытащил и вопил «Всех расстреляю!»

Сын торговца, слушая эти слова, даже съежился.

— Макарьев из Кимас-озера вышел вперед и сказал ему, — продолжал мобилизованный: — «Стреляй, коли рука не дрогнет! Много ль перестреляешь? Слышали мы выстрелы и сами готовы стрелять, когда потребуется!» Так тот тип, которого он убил, — пленный кивнул головой в мою сторону, — на месте Макарьева пристрелил. Вот как!...

— Ты, может быть, к нам в Петроград на командные курсы поступишь? — спокойно спросил Армас. — У нас на командиров обучают.

Сынок торговца принял слова Армаса за чистую монету и обрадованно забеспокоился:

— А что, меня примут? Если примут, так что же, я не против... Я даже очень хорошо красным офицером выйти могу: ведь я очень люблю командовать, а сам я всегда левым был... Вы мне дадите рекомендацию в вашу школу? — залебезил он перед Армасом.

Но здесь добродушие покинуло Армаса, и он крикнул:

— Я дам тебе лучшую рекомендацию — на тот свет! Приготовь там помещение для твоего папаша: его тоже скоро пошлют вслед за тобой.

— Лейно, у меня осталось еще полфунта хлеба. Дай нож, я разделю стр. 79
на троих.

Я разломал остаток краюхи. Вероятно, для многих из нас это последний ужин.

Мы засыпали.

Так проходила морозная ночь, последняя перед Кимас-озером.

Опять нажигало с одного боку и подмораживало другой; опять трещали сосны и сидели у костров сторожевые; опять казалось в полусне, что не было начала походу нашему, не будет ему и конца...

Если завтра мы не уничтожим неприятельский штаб (цель нашего рейда), война может затянуться до весны. Летом воевать здесь невозможно: болота, озера, полное бездорожье.

Глава девятая

Падение Кимас-озера

Мы вышли в четыре часа утра 20 января. Было совсем темно.

Пленных отправили в тыл. Их конвоировали только два человека. Это был, пожалуй, немалый риск: ведь каждую минуту можно встретить белых.

Не знаю, знакомо ли тебе подобное ощущение: ты очень устал, только что стал засыпать, как вдруг тебя выбивают из этого сна. Ты только что стал отогреваться у огня лесного костра, и тебя отрывают от него, чтобы послать в холодную, черную зимнюю ночь.

И мы шли...

Никаких разговоров, никаких перекуров.

Шли в сосредоточенном молчании. Даже Антикайнен и Хейконен, любившие пошутить, молчали. И лишь по их напряженным лицам да по тому еще, как Антикайнен рывками отталкивался на ходу палками, а не плавно, как он делал всегда, можно было догадаться о серьезности положения, о трудности нашего предприятия. Так мы шли, в напряженнейшем молчании, почти бегом, больше часа, когда перед нами на условленном месте вырос Суси, с вечера уходивший в разведку.

Наш батальон остановился. Товарищ Антикайнен, командиры рот и Суси стали в кружок. стр. 80

Лицо Суси казалось серым даже в полутьме наступающих сумерек. Он не спал уже больше суток: прошел за это время около пятидесяти километров и произвел труднейшую ночную разведку.

Позади товарища Суси сидел на своих дровнях крестьянин из Кимас-озера.

Командиры, посоветовавшись, решили действовать как обычно: захватить все дороги и в условленное время одновременным ударом захватить

село. По сведениям, добытым от крестьянина, лахтарей в селе не больше трехсот: штаб фронта, 1-й Лесной полк, белый отряд Иссатала Анти — того зверя, который в 1919 году неистовствовал в Олонце.

Мы сейчас стоим на дороге из Челм-озера в Кимас, отрезая штаб от фронта. Надо закрыть дорогу в Финляндию и ударить с запада. Это поручается второй роте. В наступающих сумерках рассвета крупная фигура Карьялайнена кажется еще больше.

Дорогу на Барыш-наволок, проложенную сейчас по льду озера, должна перехватить первая рота. Первой же роте под командованием Хейконена поручался лобовой удар.

Было очень тихо. Можно было слышать пение петухов в селе, можно было слышать биение наших сердец. Во всяком случае, дыхание наше большинству из нас казалось слишком резким и шумным. Вторая рота пошла влево. Второй и третий взводы нашей роты стали удаляться вправо.

Мы подошли почти к самому краю склона, ведущего вниз, к озеру. Внизу, на расстоянии полукилометра от нас, на мысу дымились трубы изб, мычали коровы, блеяли овцы, кукарекали петухи; от нас же в деревню шла тишина.

Все, что мы прошли, все, что мы перенесли, — все это сделано для сегодняшнего боя.

Товарищ Хейконен подходит ко мне на скрипящих лыжах. Его валенки потеряли свою обычную форму, как бы расплющились. Его обычно начисто выбритое лицо поросло щетиной, но голос его по-прежнему уверен.

«Кто из нас переживет этот день? — думаю я. — Как бы там ни было, каждый наш убитый заберет с собой в царство небесное не меньше двух лахтарей».

Хейконен обращается ко мне:

— Матти, возьми отделение и отправляйся вперед! Надо прощупать положение до конца. стр. 81

— Есть, товарищ командир!

В первом отделении со мной — Лейно, Армас, Яскелайнен и еще четыре человека. Я беру под козырек, скрытый под балахоном, и, собрав свое отделение, отправляюсь вперед.

— Осторожно, товарищи! — говорю я ребятам и даю последние указания.

Так мы подходим к скату, к самому краю.

Уже почти рассвело, и снег от рассвета серый.

Все, что потом произошло, каждую секунду следующего получаса я запомнил до самых незначительных мелочей на всю жизнь: и неловкие шаги Армаса, вспоминающего, наверно, свой последний спуск с горы, и сверкающие глаза Лейно, и его продранную варежку, из которой нелепо вылезал большой палец, и ноющую боль от глубокой царапины на ладони, полученной во время перехода через Массельгское ущелье.

— Вперед! — сказал я и нагнулся немного, приготовившись к крутому спуску. — Вперед, товарищи! — повторил я и оттолкнулся двумя палками.

И сразу рывок этот вынес меня вперед и понес вниз — вниз по прекрасному снегу, с быстротой, захватывающей дыхание, с плавностью легкого планера. Что может быть лучше быстрого спуска по снежному склону на крепких лыжах! Я летел вниз. С такого разбега можно было спокойно пролететь по ровному месту шагов триста. Так я и сделал.

Лыжи несли меня прямо на деревню по гладкому снегу, по ровному озеру.

Я стоял, уже выпрямившись во весь рост, и тут увидел в ста-полтораста шагах от себя трех вооруженных людей, стоявших у крайних изб (может быть, бань). Люди эти заметили наш спуск. Я оглянулся — в десяти шагах позади меня шел Лейно. Остальная шестерка барахталась шагах в двухстах, у самой подошвы склона. Один собирал разъехавшиеся в стороны лыжи, другой поднимался на ноги, стряхивая снег, набившийся за шиворот и в валенки. Все, к счастью, были в балахонах.

У Армаса свалился штык, он его сейчас насаживал на место. Опять, наверно, из-за Армаса эта свалка произошла. И я разозлился на Армаса за дурацкую настойчивость, с какой он вынес весь этот путь, чтобы, стр. 82 может быть, подвести в самую горячую минуту, и на себя — за то, что потворствовал его упрямству.

— Лейно, идем вперед! — шепнул я своему верному другу.

Он кивнул мне, показывая всем своим видом, что понимает и серьезность нашего положения, и задуманный мною план. Мы медленно, сдерживая себя, пошли вперед, навстречу лахтарям. Я вытащил незаметным движением наган и, взяв обе палки в левую руку (в другой — револьвер) и держа их за спиной, медленно продолжал идти вперед.

Сухо шелкнул затвори винтовок неприятельского дозора.

— Кто идет?

— Бросьте ваши штучки, ребята! — сказал я возмущенно. — Мы из отряда Риута — в своих не стреляем!

Лахтари держались еще настороженно, недоверчиво и не опускали ружей, взятых наперевес.

Я оглянулся. Отделение все встало на лыжи, и Яскелайнен шел уже по следу Лейно.

Я подумал: «Может быть, этим ребятам известна каждая морда в отряде Риута», — и, подходя еще ближе, сказал:

— Нам бы в баню нужно. Нет ли у тебя закурить?

Неужели они не узнают нас по штыками, как старик в Конец-острове?

Мой вопрос о табаке, однако, разогнал остатки настороженности дозора. И в самом деле: откуда здесь, в центре белого движения, могли появиться красные? Даже предположение такое казалось нелепым.

Лахтарь опустил винтовку, вытащил из кармана кисет и стал его развязывать. Лейно вплотную подошел к другому лахтарю.

Остальные ребята были уже шагах в семидесяти.

Я бросил на снег палки и рукояткой нагана ударил по голове лахтаря. Он зашатался и рухнул наземь.

Лейно приставил острые штыка к груди другого.

Около третьего уже стоял я со взведенным наганом.

На все это потребовалось гораздо меньше времени, чем для того, чтобы отхлебнуть глоток кофе.

Ребята были шагах в тридцати. Лахтарям ничего не оставалось сделать, как бросить на снег винтовки.

Ошеломленный ударом лахтарь стал шевелиться, приходя в сознание. Он, очевидно, был начальником: в его кармане я нашел хорошенький полированный заряженный браунинг. Я опустил его себе в валенок. Валенки до того разносились, что браунинг легко соскользнул вниз, едва ли не до самой щиколотки.

Ребята уже подошли и были немного сконфужены своим падением при спуске.

— Армас, стереги этих пленных и смотри не падай! — приказал я.

И мы бросились вперед.

Надо было произвести панику во что бы то ни стало к моменту комбинированного удара со всех сторон.

И вдруг загрохотал, зазвонил во всю мочь колокол кимас-озерской церкви. Он бил, казалось, в каком-то неистовстве. Неужели набат? Неужели нас открыли и собираются к отпору?

А как же иначе? С чего бы стал пономарь в такую рань, в мороз тревожить себя? Мы открыты.

— Посты у них тут, во всяком случае, лучше, чем в Реболах, — криво усмехнулся Лейно.

Яскелайнен поставил пулемет на снег у плетня. Шагах в пятидесяти–шестидесяти от нас шагал отряд примерно человек в двадцать.

Нас было семь.

Я оглянулся и посмотрел на склон, по которому минут пять назад скатывалось наше отделение.

Сейчас развернутой шеренгой, словно на спортивном параде, шестьдесят человек в белых балахонах съезжали вниз по горе, держа ровные интервалы.

Было приятно смотреть на такой спуск: никто из них не только не свалился, но даже не накренился.

Впереди летели Антикайнен и Хейконен.

И опять послышалось в тишине морозного утра сухое шелканье заборов. Ребят уже не было видно на склоне. Они, наверно, катились по озеру.

Отряд лахтарей по-прежнему шел на нас по улице.

И сразу мы услышали несколько выстрелов у пройденного нами берега. Из домов повыскакивали какие-то черные фигуры, и снова — казалось, над всем озером, над окрестными лесами — раздался громкий голос товарища Антикайнена.

Он ругался теперь последней бранью:

— Сволочи! Мы идем к вам на поддержку, пробрались из Финляндии, а вы нас так встречаете!

И опять молчание. И опять мерные шаги лахтарского отряда, идущего прямо на нас. И опять тревожное гудение набата. И вдруг новый взрыв отборной ругани и беспорядочные выстрелы позади.

— Огонь! — скомандовал я Яскелайнену.

стр. 84

И морозный воздух январского утра был разодран сухим треском пулемета.

Два человека из неприятельского отряда рухнули. Остальные рассыпались в недоумении, не зная, что делать. Пулемет смолк. Огромный фельдфебель с рыжей бородой скомандовал:

— Обойму в магазин! Прицельная рамка...

— Вперед, товарищи, ура! Бей лахтарей! — скомандовал я и, размахивая наганом, выскочил из-за плетня.

Ребята все выскочили за мной.

Я выстрелил из своего нагана два раза, взяв себе мишенью рыжую бороду, но промахнулся.

В пятнадцати шагах от дороги — сарай с двумя большими щелями вместо окон.

— За мной! — кричит фельдфебель и бежит в сарай.

За ним поднимаются из снега другие.

Вбегая в сарай, рыжий оборачивается и, не целясь, бьет из маузера.

Колокол все еще продолжает бубнить, но в его звоне я начинаю улавливать обычную спокойную размеренность, а не панику набата.

Пуля, выпущенная из маузера рыжим фельдфебелем, попала в курсанта моего отделения. Он присел на снег.

— Матти, не робей! Все в исправности! Ничего — зацепило легко! — кричит он мне, явно сдерживая стон.

Я разрядил вслед рыжему наган, но напрасно: дверь сарая захлопнулась. Толщина его стен неизвестна, лишних патронов нет, и нет времени на осаду, а из оконной дыры они могут многих наших угробить.

Курсанты остановились, вскинули винтовки. В моем нагане нет больше патронов. Но ничего, дело поправимое. Я на бегу опускаю руку в валенок, чтобы выудить из него мой трофейный браунинг. Черта с два! Браунинг за что-то зацепился, и его невозможно вытащить.

Я уже вплотную у сарая. У самой его стены лежат дрова. Я подбегаю к поленнице, хватаю небольшое, но суковатое полено. Кричу громко, чтобы слышали в сарае:

— Товарищи курсанты, отойдите подальше: я бросаю в сарай гранату!

Изо всей силы мечу в дыру сарая полено и подскакиваю сразу к двери. Занозы остаются в ладони.

Умный Лейно — рядом со мной.

Дверь быстро распахивается, и с маузером в руке выскакивает рыжий детина. Но, почувствовав у своего виска дуло моего — черт возьми, незаряженного! — нагана, быстро бросает маузер на снег. стр. 85

За фельдфебелем выскакивает второй лахтарь. Его принимает Лейно. Я передаю бородача подошедшему курсанту и, стреляя из маузера в темноту сарая, кричу:

— Бросайте оружие, выходите на свет — жизнь будет сохранена!

И, лишённые своего командира, один за другим выскочили испуганные лахтари из своего убежища.

Так первая часть нашей работы проведена была чисто.

Одиннадцать пленных, горячий маузер в руке, три револьвера — для одного боя более чем достаточно.

Отсюда, от сарая, мне хорошо видна была церковь с колокольной.

Звон прекратился. Из церкви выскакивают белые. Многие вооружены. Некоторые из них вскидывают винтовки к плечу и стреляют в сторону берега.

— Яскелайнен, — говорю я товарищу, — пулеметный огонь! Направление — храм божий!

Яскелайнен застрекотал на своей «швейной машинке».

Лактари, беспорядочно отстреливаясь, рассеялись.

— Вперед, ребята!

У сарая остался один из нас караулить пленных. Пять человек бежали за мной.

Площадь перед церковью была уже пуста. Но не успели мы добежать до нее, как из-за изб и изгородей справа выскочил Суси с группой курсантов.

Антикайнен шел впереди.

— Вперед! — крикнул он.

И мы бросились за ним.

Мы находились на краю мыса. Остальная часть деревни — как раз та, где находился штаб, — лежала перед нами на северном берегу озера, метрах в двухстах-двухстах пятидесяти от нас. Мы выбежали на лед. На другом берегу бегали, суетясь, лактари. Два человека в офицерской форме распорядились всем. Один налаживал пулемет.

— Так-то вы встречаете помощь из Финляндии! — закричал товарищ Хейконен.

И вдруг в тылу белых, с запада, раздались выстрелы, сначала разрозненные, а затем залпами. Это начала наступление, едва успев занять исходное положение, вторая рота.

Офицер остановился, прислушался: он, казалось, понял, что мы его обошли. Затем он обернулся и стал быстро уходить на лыжах налево, к лесу.

За ним побежал второй офицер и еще несколько беляков.

стр. 86

Я не привык обращаться с маузером, и, кроме того, у этого револьвера была слишком резкая отдача. Вот почему все три пули пошли «за молоком». Но все же, размахивая разряженным револьвером, громко выкрикивая ругательства, я бежал вперед, к двухэтажному дому, над которым развевался белый флаг. Лейно был уже впереди меня. Я вскочил на крыльцо.

Слева приближались курсанты второй роты: их вел Карьялайнен.

Антикайнен быстро шел, отдавая приказание:

— Немедленно крой вперед, вправо! Необходимо перехватить штабистов!

На дверях было написано: «Штаб». У крыльца в нетерпении рыл снег копытом породистый белый жеребец.

Выстрелы прекратились.

— Мы взяли деревню, — сказал мне спокойно, как на вечерней поверке, командир. — Матти, где твой шлем?

Только после этого внезапного вопроса я почувствовал холодок на голове. Проведя рукой по смерзающимся от выступившего ранее пота волосами, я убедился, что действительно шлема не было.

— Лахтарская пуля, должно быть, сбила его ко всем чертям! — почему-то очень громко прокричал я и вскочил в помещение штаба белых.

Комната напоминала обычную полковую канцелярию. Товарищ Суси уже рылся в бумагах, разбирая их. Несколько папок с делами валялось на полу. Я взглянул на часы-ходики: они шли спокойно, как будто ничего не случилось.

Полчаса, всего полчаса назад я отдавал приказание отделению идти за мной вниз по склону.

И вдруг я вижу — командир поднимает со стола папку, а под папкой лежит портфель, кожаный портфель со знакомой монограммой. Ведь это была точно такая же монограмма, как и на портфеле штабс-капитана Верховского, и портфель был вылитой копией портфеля, захваченного мной в рейде под Кронштадтом! Я подскочил к столу, рванул к себе портфель. Он был открыт.

Из него посыпались на пол записки, письма, бумаги. Я поднял конверт и прочитал: «Штабс-капитан Петру Ивановичу Верховскому. Хельсинки...» и так далее. Штемпель — Париж. стр. 87

Я поднял листовку. Она была напечатана по-русски (в то время я говорил и понимал по-русски гораздо хуже, чем теперь).

Суси мне быстро перевел ее на финский язык.

Листовка сохранилась у меня вместе с истрепанной картой до сих пор. Вот она:

«Красногвардейцы! Я, финский писатель Клайдо Ильинарк, обращаюсь к вам от имени Временного ухтинского правительства Карелии.

Если вы не уйдете из свободной Карелии, то готовьте себе общую братскую могилу, ибо гнев наш будет ужасен.

Красноармейцы! Арестовывайте своих коммунистов и комиссаров и переходите к нам. Только в этом ваше спасение!»

Несмотря на усталость, несмотря на возбужденность, какая бывает в бою, несмотря на серьезность минуты, я не мог удержаться от громкого смеха. И действительно, русский штабс-капитан дерется за освобождение Карелии от «русского красного ига» под лозунгом: «Карелия для карелов!» А я, финн Матти Грен, и финны Лейно, Хейконен, Карьялайнен, Армас, Яскелайнен, Антикайнен, Аханен, Суси, Антила, Кярне, Гренлунд и сотни других боремся за Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику и ее автономную часть — Карелию — для трудящихся. Да, мы прежде всего коммунисты, а эти белогвардейцы и гады — прежде всего буржуи.

Было над чем посмеяться, второй раз в жизни захватив портфель неуловимого офицера!

Антикайнен вошел в штаб. Вид у него был очень недовольный.

— Улизнули! Илмаринен и несколько штабистов удрали в лес, и в лесу же рассеялось около двух сотен лахтарей.

— Мы победили! — вставил вошедший за начальником Карьялайнен.

Но мы могли схватить и уничтожить головку, если бы успели перекрыть дорогу на Барыш-наволок и не нервничали так, что обыкновенный колокольный праздничный благовест показался нам тревожным набатом.

Я выглянул в окно: захваченные моим отделением пленные, пригнанные Армасом, уже стояли у дома штаба.

По улице наши конвоиры подгоняли еще пленных.

Антикайнен и Хейконен вышли на улицу. Суси разбирал бумаги, поэтому вошедшая в комнату женщина — по-видимому, хозяйка — обратилась прямо ко мне: стр. 88

— Господин красный командир, майор Илмаринен очень любил гороховый суп, и мне на сегодняшнее утро был заказан хороший суп с ветчиной. Все готово. Прикажете подавать?

— Подавай сюда через десять минут все, что приготовила, — неожиданно для себя приказал я и почувствовал одуряющий приступ волчьего аппетита, и ноздри мои зашекетал чудеснейший аромат горячего горохового супа со свиной. Я мог бы сам съесть за один присест десять обедов майора Илмаринена, с обедами штабс-капитана Верховского в придачу. Но тут мое внимание привлекли какие-то странные шорохи под полом.

Я прервал свои гастрономические мечтания и стал прислушиваться. Под полом шептались и кто-то шевелился.

Я стал прислушиваться внимательнее и толкнул Суси, чтобы он оставил бумаги.

Трофейный маузер горел у меня в руке. Это спрятались лахтари, не иначе! И я, приподняв крышку люка, выстрелил вниз, в темноту.

Оттуда в ответ послышался громкий вскрик и затем стоны, приглушенные стуком захлопнувшейся крышки.

Шепот на время смолк.

Может быть, сейчас они сжигают ценнейшие документы, готовясь взорвать нас, находящихся в этой комнате! Но тут, к моему удивлению, крышка люка чуть заметно зашевелилась и затем стала приподниматься. Я приготовил маузер. В валенке терся о кожу браунинг. «Натереть ногу браунингом — это было бы даже смешно», — подумал я.

Крышка люка приподнималась снизу не руками, а какой-то странной деревяшкой, похожей на ножку стола.

Как только приоткрылся немного люк, из-под пола женский голос стал выкрикивать невероятнейшую брань:

— Чтобы это было последнее утро для вас, лахтари! Чтобы корка хлеба стала у вас поперек горла, проклятые лахтари!...

Люк был почти совсем открыт.

— Не бранись так, женщина! — крикнул я вниз. — Лохтари в Кимасозере сегодня действительно последнее утро! Сейчас здесь красные!

Крышка сразу захлопнулась, и шепот под полом перешел в громкий разговор, выкрики:

— Не стреляйте в нас, мы красные! Мы были взяты в плен лахтарями! стр. 89

— Ладно! — крикнул я. — Сколько вас?

— Тринадцать.

— Вылезайте по очереди! Но если солгали, ни один не выйдет живым.

Крышка снова заколыхалась и приподнялась. Я отшвырнул ее в сторону с силой.

Первым вылез пожилой человек. Вместо левой ноги у него была деревяшка, та самая, которой он приподнял крышку люка и которая показывалась мне ножкой стола.

Этого человека мы всем отрядом прозвали Пуялко, что в переводе на русский означает «деревянная нога».

Несмотря на то что у него не хватало одной ноги, Пуялко был еще крепким мужчиной и замечательным шутником: его прибаутки смешили и забавляли весь лыжный батальон.

И даже в ту минуту, когда он вылез из люка, он не мог удержаться от прибауток.

— Из того, что я потерял ногу на постройке мурманской железной дороги в тысяча девятьсот шестнадцатом году от оброненного рельса, — из этого еще не следует, что я должен погибнуть от руки своих же, красных, в самом начале тысяча девятьсот двадцать второго года, — недовольно ворчал он.

Затем из люка вылезла растрепанная седая старуха. Ей было не меньше шестидесяти лет, и уцелела она, если судить по ее речи, со времен «Калевалы». Ленрот мог бы записать много интересных песен с ее голоса. Она была приговорена к расстрелу, как и все освобожденные нами товарищи. Казнь должна была состояться завтра на рассвете, после праздника.

Наше появление пришлось поэтому как нельзя более кстати.

Вина старухи заключалась в том, что она спрятала у себя тяжелораненого красноармейца из погранохраны. Она почти выходила его, когда местным кулаком был сделан на нее донос и ее вместе с выздоравливающим красноармейцем бросили в этот погреб, темный и холодный. Пограничник заболел здесь и находился при смерти...

— Все мы здесь были при смерти. Кто-то вечером спустился к нам и сказал: «После праздника все до единого будет списаны в расход, а то еще нянчиться с вами! Лишние рты, да и часовых на вас изводить надо», рассказывал третий, вылезая из люка.

Освобожденные были голодны, как черти в великий пост. Как мне описать радость их при освобождении, их счастье увидеть свет солнечного зимнего приполярного утра в крепко натопленной комнате! стр. 90

Комната штаба была уже полна курсантов.

Последним вылез до смерти перепуганный лахтарь-часовой, которому было поручено сторожить пленных. Услышав выстрелы, он так перепугался, что пробрался в подвал к арестованным и спрятался среди них. Это был мобилизованный лахтарями местный крестьянин.

— Вот твой шлем, Матти, — сказал товарищ Яскелайнен. — Я подобрал его на льду озера. Лахтари устроили в нем вентиляцию. Антикайнен требует тебя к себе.

Я вышел. На крыльце начальник отдавал очередные приказания. Через два-три часа мы должны будем покинуть деревню.

— Вблизи есть крупные неприятельские отряды, — сказал он мне, — но мы здесь уничтожим все их боевые припасы, центральную питательную базу их фронта. Мы захватили четырнадцать подвод с лошадьми. Все, что можно, погрузить на эти подводы, остальное должно быть уничтожено дотла. Поручаю это дело тебе, Матти, с твоим взводом.

Мы пошли по деревне. Почти все склады находились в сараях, выстроенных заново, и в старых, вокруг штаба. Под штаб было занято лучше здание деревни — школа.

Я не буду долго описывать захваченные нами трофеи: на складах больше полумиллиона боевых патронов; тридцать смазанных винтовок (кроме отнятых у пленных); несколько тяжелых пулеметов и автоматов; несколько полевых аптек с амбулаторными принадлежностями; триста снарядов мелкокалиберной пушки. Большой сарай был полон обмундированием, валенками, полушубками, теплым бельем, меховыми шапками. Огромные помещения набиты мешками с крупой, солониной, консервами. Несколько ящиков с коньяков и залежи муки. Кроме больших обычных мешков с крупчаткой, какие можно найти в любом лабазе, были еще маленькие мешочки-пудовики, и к каждому такому пудовичку привязана деревянная дощечка, на которой было обозначено полностью имя дарителя, благодетельствующего армию «восставшего карельского народа».

— Здорово много еды! — обрадовался Армас.

— Не так много в сравнении с обещанными лахтарями семью миллионками килограммов, — процедил Лейно.

Наши ребята укладывали, что было нужно и возможно уложить на трофейный полковой обоз.

«Обезьянки» за плечами и патронташи снова потяжелели, и вид у стр. 91 всех веселее.

То, что нельзя было захватить с собой, мы обливали керосином, заваливали сухой соломой и поджигали. Надо было уничтожить такое неве-

роятное богатство. Склад артзапасов можно было зажечь только при самом отходе, как и штаб.

Очень жалко было сжигать все это несметное добро, но иначе нельзя было поступить. Предполагать, что мы, усталые, можем удержать за собой деревню, не подготовленную к осаде (в течение минимум десяти дней, пока подойдут наши отряды), против свежих сил во много раз превосходящего противника, нечего было и думать. Если же, разгромив штаб, мы уйдем, — выполним прямой приказ уничтожить тыловые базы неприятеля.

Все захваченные патроны были обернуты в синюю плотную бумагу, и на каждой обертке стояла — это я тоже могу подтвердить документально (я захватил одну из них с собой) — совершенно отчетливо марка патронной фабрики Рихимяки.

Пожар начался.

Легкие языки пламени заструились, как бы играя в пятнашки, один за другим.

Времени наблюдать это зрелище у нас не было.

Я вернулся в здание штаба. Папки были сложены одна на другую, бумаги складывались стопками и окружались сухой соломой.

Суси сидел за пустым столом в переполненном помещении и спокойно, как будто не было ни бессонных суток, ни отчаянного боя, выводил в дневнике отряда: «Захвачено 42 пленных, освобождено 13. Белых убито 5 человек, из них двое — финские офицеры, что установлено по документам, найденным при них. У нас два товарища легко ранены. Запасов захвачено...»

Тут он обратился ко мне.

Я в точности отрапортовал о проделанном мной обследовании. И цифры, сообщенные мной, были вписаны в дневник отряда.

Дальше Суси продолжал: «К сожалению, сам майор Илмаринен с другими руководителями бандитского восстания избежали достойной кары, уйдя на лыжах в лес».

Он прервал свою запись.

— А жеребца илмариненского мы все-таки захватили, Матти!

— И с какой это стати финский офицерик, поручик Таккинен, присвоил прославленное имя чудесного кузнеца Илмаринена из «Калевалы»? — спросил громко Лейно, поднося ложку ко рту.

— Ко всем их обманам прибавился еще один. Думал, наверно, хоть этим к народу подольститься. Ведь вот кулак ухтинский, глава их район-

стр. 92

ного правительства, тот себя даже Вянямёйненом окрестил! — отозвался кто-то.

— Нет, Илмаринен-кузнец, — продолжал Лейно, — мельницу-самомолку для народа выковал. А этот лахтарь за буржуев старается. Попадись он мне, я покажу ему, как порочить честную профессию кузнеца.

Посреди комнаты ребята черпали из большого котла самым ароматный гороховый суп из всех, какие я только хлебал. Суп, приготовленный для Илмаринена и его штабистов.

Смешил своими прибаутками ребят, пристукивая деревяшкой, неутомимый Пуялко:

— Илмаринен меня спрашивает: «Ага, и ты, калека, прибыл?» — «Прибыл, коль привели», — отвечаю я ему.

Я снял валенок, вытащил зацепившийся за штанину браунинг и деревянную ложку и принялся вместе со всеми хлебать суп. С каждой горячей ложкой входили в меня спокойствие и дремота. Полный желудок заставлял мечтать о сне, о полном отдыхе. Сторожиха школы — та самая, что приготовила эту райскую похлебку, — стоя около котла, бубнила:

— Командир их еще вчера вечером показывал мне пузырек и говорил: «Здесь у меня смертельный яд. Я в плен к красным попасть не могу. В случае чего — глоток... Но, говорит, за двести верст отсюда ни одного красного нет». И вдруг...

— Нас здесь, милая, пятьсот человек. Мы уходим дальше, а за нами идут несколько тысяч таких же, — как бы нечаянно процедил сквозь зубы Лейно.

— И все такие же небритые? — смеясь, переспросила женщина.

— Нет, они сами любого отбреют!

В эту секунду в сенях раздался громкий смех успевшего уже отобедать Армас.

Дверь распахнулась, и в комнату, сопровождаемые Армасом, вошли два лахтаря. Лица их были синими от холода, зубы отбивали барабанную дробь тревоги, полуспущенные ватные шаровары открывали тоже посиневшие от мороза зады.

— Представьте себе, ребята, — грохотал Армас, — захотелось мне в уборную сразу, как мы захватили деревню, еще до гороховой похлебки. Ну, сунулся я в здешнюю скворечню — заперта! Думаю, переждать надо. Через десять минут опять дернул — закрыто изнутри. У кого, думаю, такой запор может быть? Ну вместе с ребятами гороху отведал. И снова стучу. Закрыто! Ах так! Я как рванул дверь с петель, а там, смотрю,

стр. 93

эти пара милейшая заседает, и заседает уже не меньше часа. Отсидеться думали. Нет, голубчики, номер не прошел!

Адъютант перечеркнул в своем дневнике цифру «42» и написал «44». Курсанты хохотали, слушая рассказ Армаса.

— Мы доставим трофеи, пленных и освобожденных в наши части. Они должны быть сейчас где-нибудь между Конец-островом и Реболами, — сказал Антикайнен и отдал приказание об отходе.

Склады уже превратились в пылающие факелы, здание штаба охватывало огнем. Языки пламени играли на бревенчатых стенах, как детвора, играющая в горелки.

Отряд начал строиться. Передовые уже вышли. Строили пеших пленных по четыре человека в шеренге.

Пуялко суетился больше других.

— Товарищ начальник, — подскочил он к Антикайнену, — что прикажешь мне делать? Для моей деревяшки лыжи еще не приспособлены, а летать я не умею. Снова, что ли, мне в подвал садиться да лахтарей поджидать?

— Не таракти, Пуялко, — сурово ответил командир. — Седлай себе илмариненского жеребца и катись на нем на здоровье.

Так был решен вопрос о коне Илмаринена. Окончу рассказ об этой великолепной лошади сейчас же. Ее потом доставили в Петрозаводск, оттуда — в Ленинград. И еще в прошлом году, когда я во время служебной командировки проезжал Ленинград, меня затащили ребята на бега. Там — правда, уже не в прежней сияющей красоте, но все еще отличный по всем статьям — на ипподроме бегал этот конь.

Одноногий Пуялко верхом на этом белом жеребце — гораздо более бегом, чем наши загрязнившиеся балахоны, — представлял собой веселое зрелище.

Приказ отдан. Мы выходим.

Но как только мы вышли, началась метель.

— Отлично, отлично! — говорил Антикайнен, растирая свои замерзшие щеки. — Во-первых, раздует пожар, а во-вторых, заметет наши следы. Вперед!

Снова входили передовые в густой обледенелый лес.

За нами шли военнопленные, за военнопленными — основные силы стр. 94

отряда, за отрядом — обоз и, предводительствуемые Пуялко-всадником, освобожденные нами из плена товарища.

— Давай закурим, Илмаринен! — шутя кричит, обращаясь к Пуялко, Хейконен.

Старуха шла со всеми — она даже обиделась, когда ей предложили место в санях.

— Слава богу, не раненая я еще, чтоб своим в тягость быть!

За освобожденными шли четырнадцать груженных подвод, за подводами — мой (на этот раз арьергардный) взвод.

Шли мы в начинавшем бушевать бурене несравненно медленнее, чем раньше.

Лошади не могли бы идти с такой скоростью, как мы, да и сами мы сейчас были нагружены больше, чем раньше, и устали тоже отчаянно. Нас качала усталость, убаюкивала, неожиданными кочками подкатывалась под лыжи, неожиданной остротой колола натруженные плечи и склеивала веки.

И ко всему этому встречный ветер швырял в лица курсантам мелкие, острые, частые снежинки. Впрочем, это, вероятно, было хорошо: иначе мы заснули бы.

С вершины склона я оглянулся: сквозь снег метели видно было яркое пламя горевших складов.

Я посмотрел на часы: было около двенадцати.

Не прошло еще четырех часов, как я отдавал приказ своему отделению скатываться вниз; не прошло еще полных четырех часов с той минуты, как мы услышали отдаленное пение петухов в деревне. Это были самые наполненные часы в моей жизни, и я знаю, что никогда не смогу по-настоящему рассказать, что пережил тогда.

Штаба неприятельского фронта нет! Какое счастье: базы белого фронта нет!

Здесь мы отплатили за все наши поражения. Так же мы уничтожим штабы всех армий, которые посмеют обрушиться на наше отечество — Союз Советских Социалистических Республик!

Я шел в арьергарде. Мы снова вступили в лес. Здесь один человек догнал наш отряд. Он тоже бежал на лыжах и вспотел.

— Разрешите мне уйти с вами! Меня выбрали по настоянию Илмаринена в Карельское учредительное собрание, но я теперь окончательно знаю, что не пойду с ними. Они пугали нас, что красные пришлют сюда китайские части, жестокие китайские части, чтобы растерзать карелов,

а пришли вы, самые чистокровные финны из всех, которых я видел. Я стою за Карелию, а не за то, чтобы Финляндия съела нас. стр. 95

— Ну и каша у тебя в голове, — сказал я. — Иди вперед, к командиру. Я дал ему в провожатые Лейно.

— Между прочим, — уходя, сказал он, — на чердаке штаба сгорело четверо спрятавшихся белых.

Он ушел. Мы двигались с быстротой не больше пяти километров в час и против метели быстрее идти, пожалуй, никак не могли.

Часа через полтора после отхода, уже продираясь через чащу, мы услышали гул отдаленного грома, повторенный троекратно. Это взрывались артиллерийские боеприпасы.

Пройдя километров пятнадцать, мы совершенно выбились из сил, и, несмотря на то что медленно продвигались против бури, пот снова стал пробиваться через одежду, чтобы затем оледенеть на ветру.

Поэтому команду об остановке на большой привал те из нас, которые еще были в состоянии как-то реагировать, приняли как известие об освобождении из плена.

Ветер усиливался. Если бы я был моряком, то я точно определил бы, скольких баллов он достигал, но тогда мы не думали об этом. Многие из курсантов засыпали, стоя на лыжах, упершись грудью в палки.

Другие стали строить ракатулет, заставляя и пленных принимать участие в этой работе. Пуялко суетился около своего коня, оберегая его, ухаживая за ним, как редкая нянька ухаживает за своим воспитанником.

Буран наметал сугробы у подвод, у пней. Ракатулет на этот раз устраивать было труднее, чем когда-либо. Но все же не прошло и получаса, как весь отряд, заносимый снежным потоком, спал, поочередно подставляя огню ракатулетов то спину, то бок, то грудь.

Мне кажется, что даже бурану трудно было заглушить свист дыхания утомленного отряда.

Труднее всего, конечно, было сторожевым. Сменялись на этом привале часовые каждым час, так как никто не мог за себя поручиться, что простоят больше и не заснет.

Это был наш самый большой привал за весь поход, и никто из нас в тот вечер и в ту ночь не подозревал, какой опасности мы подвергались.

Часа через три-четыре после того, как мы оставили Кимас-озеро, вернулись привлеченные заревом пожара и грохотом взрывов недавно вышедшие на фронт две роты лахтарей — до четырехсот человек лыжников. Это были свежие, неутомленные бойцы, и они отлично знали, что стр. 96

наш отряд не успел далеко уйти; даже сильный ветер не успел еще замести снегом след нашего отряда с громоздким обозом. Увидев горящий штаб и не найдя даже следов Илмаринена, они в панике пошли к финской границе. Если бы они пошли по нашим следам, неизвестно, кто из нас вернулся бы из этого рейда живым!

Разумеется, все это мы узнали гораздо позже. А в ту ночь отдыхали, забыв обо всем, и последнее, что я помню в тот день, это густой пар — дыхание обозной лошади, — поднимающийся к вершинам сосен, и шипение тающего от жара ракетулета снега.

Глава десятая

Гибель товарища Лейно

Дальше мне почти нечего рассказывать.

У меня возобновилась грыжа, полученная мной еще в восемнадцатом году, когда я помогал вытаскивать завязшую в липкой грязи дороги трехдюймовку. Грыжа уже несколько дней мешала мне, но все же я мог идти и шел не отставая. Все тело у меня покрылось нарывами, которые сами по себе не болели, но прилипали к белью и, отдираемые на каждой стоянке, все время глухо ныли.

Товарищ Антикайнен придумал отличную штуку.

Из Конец-острова в Кимас-озеро никогда не было проезжей дороги. Идти по снегу без лыж было исключительно трудно. А между тем южная колонна, на соединение с которой мы сейчас шли, укомплектована была из стрелковых частей, не умевших в большинстве ходить на лыжах.

И вот товарищ Антикайнен, выбирая для нашего пути в лесу наиболее широкие просветы, а по полю ведя нас напрямик, расставил пленных в шеренги по четыре человека впереди, за ними прямо в затылок шел отряд, за отрядом — освобожденные, обоз, арьергард. И так, пробираясь сквозь снега, мы продвигались вперед.

Весь этот путь после прохождения отряда сделался прямой, накатанной, легкопроходимой дорогой. Так наш отряд проложил дорогу, которая вскоре приобрела большое стратегическое значение. Благодаря нашей работе южная колонна сумела быстро продвинуться вперед, не испытывая таких трудностей, какие испытала северная, наступавшая около Ухты. стр. 97

Мы шли медленнее, чем раньше, но все же в срок, немногим большим чем сутки, проложили дорогу длиной пятьдесят километров.

Это была новая большая победа.

В Конец-острове мы были к концу дня двадцать первого января. Там уже были наши части, встретившие нас восторженно. Мы передали пленных и трофеи. Оттуда же мы послали эстафетные депеши — телеграфная связь еще не была налажена — в штаб руководства батальоном и всего Каррайона. Намечавшийся дальше рейд по тылам приказом был отменен. Мы впредь должны были продвигаться как передовая часть южной колонны.

В деревне мы получили полуторасуточный отдых и затем впереди южной колонны двинулись снова на север и во второй раз заняли Кимас-озеро.

В первый раз мы захватили это место двадцатого января.

Да, чуть не забыл рассказать! Когда мы вернулись в Конец-остров, куда Пуялко, уже приспособившийся к седлу, въезжал, едва ли не ощущая себя фельдмаршалом, нас встретил среди других и тот догадливый старик, который обижался, что мы скрывали от него то, что мы красные. Увидев среди пленных рыжебородого фельдфебеля, захваченного моим отделением, он схватился обеими руками за голову:

— Да, что же вы делаете? Да разве можно было эту гадину в плен брать?

Он негодовал возмущался и, когда узнал, что в плен фельдфебеля взял я, подошел ко мне и сказал:

— Ты, наверно, изменник, если таких в плен забираешь. Ведь это — один из самых заядлых лахтарей. Он еще летом несколько раз переходил сюда через границу, распускал слухи, вел против Советов агитацию и даже оружие нашим кулакам приносил. Такого в плен брать — перед богом ответ держать!

Разумеется, показания старика мы приняли к сведению.

стр. 98

Двадцать четвертого января мы снова вошли в Кимас-озеро.

Склады уже все сгорели.

Большую половину жителей против их воли лахтари угнали в Финляндию. Кроме нескольких успевших спрятаться крестьян, в деревне оставлены были одни только хилые старики и старухи да совсем малые, еще беспомощные дети. Они остались без всякого продовольствия, и, если бы не помощь наших красноармейцев, они, я полагаю, совсем перемерли бы все от голода и холода, потому что, хотя вся деревня окружена лесами, у оставленных не хватило бы сил даже наколоть себе дров.

Скот, который нельзя было быстро угнать — овцы, коровы, — зарезанный, лежал на дворах, на улицах. Мы сначала даже не решались пустить в пищу это мясо — боялись, что лахтари его отравили. Но Армас отважился выполнить требование своего желудка и, зажарив большой кусок мяса, с таким удовольствием уплетал за обе щеки, что сомнения у всех рассеялись.

Рамы были во всех домах вышиблены, окна разбиты. И в избах было так же холодно, как и на улицах.

Мы забрались на широкую русскую печь. Покрывшись полушубками, обогревая друг друга, мы провели на ней ночь. В соседней избе точно таким же порядком на печь взгромоздилось оставшееся население села — несколько старух и стариков.

Мы выполнили задание прекрасно.

И если бы не усталость, если бы не потертости, нарывы (а у меня — грыжа), я, пожалуй, снова хотел бы пережить дни нашего немислимого похода.

Для того чтобы дальше наступать, надо было обеспечить фланги, а с правого фланга находилась у нас, километрах в двадцати пяти, деревня Барыш-наволок, и там были — по сведениям, полученным от населения, — лахтари.

В Кимас-озере все эти сведения дал нам крестьянин, мобилизованный раньше белыми в обоз. По его собственному признанию, он сначала к белым и красным относился одинаково, но, будучи мобилизован, сам не только ничего не получал за гужевую работу, даже из своих средств должен был выкраивать последние гроши, чтобы покупать втридорога фураж для своей же лошади. С тех пор он возненавидел лахтарей.

Он рассказывал нам:

— Наш обоз шел в Кимас-озеро, и вдруг у одного поста лесной эстафеты нас повернули обратно. Комендант никак не мог поверить, что красные смогут добраться до Кимас-озера. Послали разведку, и обоз получил приказание эвакуироваться в Контолки и держаться наготове впредь до особого распоряжения. Стоял мороз, и было очень темно. Я думал, что хорошо сейчас вернуться домой, к красным, в Кимас-озеро. Впереди никого нет и сзади — тоже. Я постепенно стал отставать от обоза под предлогом усталости лошади и порчи сбруи. Потом поехал в противоположном направлении. Проехал озеро. Въехал в Ватасалму, загнал лошадь с возом во двор (хозяйка знакомая была), заложил дверь и

думал, что все в порядке — завтра, мол, в Кимасе буду. Но вдруг ночью стук в дверь. Хозяйка пошла открывать.

«Кто там?»

«Илмаринен и Верховский. Есть ли ночлежники?»

«Нет».

«Чья лошадь во дворе?»

Входят в комнату, зажигают свет. А я спал не раздеваясь. Разбудили меня.

«Запрягай лошадь — и живо в дорогу!»

«Моя лошадь сейчас не может. Я выеду рано утром».

«Нет, ты выедешь сейчас».

И вытаскивают револьверы. Ну, пришлось выезжать. Выбросил я груз — вез я амбулаторные принадлежности и три мешка муки (один оставил все-таки) — и повез «господ». И повез их до Контокки. Они ссорились, спорили, ну да я не слушал, думал только: «Как бы бежать? Только бы не угнали в Финляндию!» А там, в деревнях, они всех угонять стали.

Обозы целые шли, обмораживались пачками, ну, а мне удалось бежать. Только в Кимас-озере красных я уже не нашел, и почти все родные были угнаны.

Двадцать седьмого января в шесть часов утра мы получили приказ выбить лахтарей из Барыш-наволока и сразу же вышли.

Мой взвод опять был головным, но мне самому идти было очень трудно: мучила грыжа.

Шли мы очень быстро, километров семь-восемь в час. Часов в десять утра на пути маленькое поселение — ну, избы три-четыре, на десятиверстке даже не обозначено. Вхожу в избу.

— Белые есть?

— Нет.

— А вблизи?

— Тоже нет.

Идем дальше. И вдруг из оврага — вспышки разрозненных выстрелов: овраг у самой опушки.

Я кричу:

стр. 100

— Вторая рота, заходи слева! Третья рота, заходи справа! Первая — за мной, вперед!

Я кричу по-фински, лахтари все понимают. Их было не больше двадцати, они и задали стрелкача. А со мной, повторяю, всего один взвод.

К часу дня подошел наш отряд к Нуоки-ярви, на берегу которого расположен Барыш-наволоок.

Барыш-наволоок был приготовлен не только к простой обороне, а, можно сказать, к настоящей осаде. Укрепления были сложены из бревен, скреплены и скрыты землей и снегом. Настоящие окопы с брустверами. Неожиданный набег был тоже невозможен, потому что утлые домики деревни были расположены на полуострове, соединенном с материком узким укрепленным перешейком.

Атаковать можно, лишь пройдя по открытому озеру около километра.

Антикайнен снова разбил батальон на две роты, которые должны были атаковать деревню с разных сторон: вторая рота — по перешейку с запада, первая — со стороны озера с юга-востока.

Первая рота заняла исходное положение. Идти в бой при полном свете невыгодно. Поэтому надо было дожидаться, пока стемнеет, а в это время года ночь не заставляет себя ждать.

Однако белые, очевидно, разнюхали, что мы уже здесь, и заметно засуетились. Надо было начинать возможно скорее, пока они не приготовились совсем. Бить — одновременным ударом.

Вторая рота не знала об экстренном изменении плана, и нужно было ее срочно известить о том, что удар намечено произвести через полчаса. Антикайнен отдал распоряжение товарищу Кярне, замечательному лыжнику, передать новое решение командиру второй роты. Времени обходить по холмам, заросшим густым смешанным лесом, нет, поэтому Кярне пошел напрямик через озеро.

С неприятельских позиций его сейчас же заметили, и началась стрельба.

Антикайнен кусал себе губы.

— Неужели пропадет парень, не известив? — вслух спросил Лейно. стр. 101

С неприятельского бруствера стал строчить пулемет. И вдруг затихло.

Армас снял шапку.

— Брось хоронить раньше срока! — обозлился Антикайнен.

Вдруг — новый взрыв выстрелов.

— Жив, значит! — с облегчением вздохнул Лейно.

И снова тишина. Неожиданная и тяжелая... Снова заработал пулемет. И опять замолк. Молчание тянулось невыносимо долго. Время шло медленнее, чем когда-либо.

Антикайнен взглянул на часы.

— Через две минуты начинаем, — сказал он. — Ты, Матти, со своим взводом останешься со мной в резерве.

И он махнул рукой.

— Пойдем! — спокойно, как бы собираясь на товарищескую вечеринку, сказал Хейконен. И обратился к Лейно: — Идем со мной. С тобой я пошло сообщение, как пойдут дела.

С правого и левого флангов роты застрочили наши пулеметы, и отряд соскользнул с горы вперед. Вперед — на Барыш-наволок. И сразу, как только застрочил наш пулемет, откликнулись и вступили в работу два пулемета второй роты и один — патруля, стерегущего дорогу.

— Значит, Кярне добрался и передал распоряжение во-время! — заволновался Антикайнен.

Мне очень хотелось быть в первом ряду с атакующими товарищами; я понял, что и ему хочется идти в бой. Однако он был командиром и должен был сохранять полное спокойствие, чтобы правильно оценивать положение. Но это была нелегкая задача — слышать стрекотание пулеметов, залпы и разрозненные выстрелы, крики, казавшиеся то отдаленными, то снова очень близкими.

Товарищ Антикайнен то и дело взглядывал на часы. Он вышел вперед, на открытый откос:

— Матти, они дерутся уже в самых окопах!

Вдруг пуля, зазвенев, как слабо натянутая струна, окончила свой путь, вонзившись в мякоть сосны.

— Товарищ командир, ты совсем открыт. Отойди назад, — сказал Армас.

Мы опять отошли немного назад, за стволы. И снова выстрелы, и снова крики «ура».

Было уже темно. Никаких донесений ни от первой роты, ни от второй мы не получили. Но было очевидно, что идет еще очень горячий бой.

— Если через десять минут мы не получим донесения, я бросаю резерв в бой, — сказал Антикайнен. стр. 102

— Слушаю, товарищ командир!

Выстрелы то становились все реже и реже, то снова вспыхивали залпом.

Бой продолжался уже около часа, а мы совсем забыли, что, стоя на одном месте на таком морозе, можно замерзнуть.

За три минуты до назначенного Антикайненем срока, когда шум стрельбы почти совсем затих, мы увидели, что к нам идет человек; он прошел озеро и стал подниматься. Он шел, как пьяный, шатаясь и оставиваясь.

— Вперед! — скомандовал Антикайнен.

И мы скатились вниз, навстречу идущему.

— Товарищ командир! Товарищ комроты приказал доложить, что Барыш-наволок захвачен доблестным батальоном Интернациональной школы, — пробормотал он через силу.

Трудно было узнать в рапортующем чистенького, всегда подтянутого Кярне.

Он, казалось, пришел из другого мира.

— Почему ты, а не Лейно? — спросил я.

— Лейно ранен в бою.

— Ты передал распоряжение вовремя?

— Приказание исполнено, товарищ командир.

Мы были уже близко от деревни. Кярне продолжал рассказывать мне:

— Как только я вышел на открытое место, началась стрельба. Возвращаться было поздно, да и времени не хватило бы, опоздал бы с донесением. Ну, я сначала с размаху лег на снег и начинаю пробираться вперед, ползком, а пули свистят, как пчелы около улья. Дырок в балахоне наделали, наверно, немало. Вижу, нужно глубже. Стал зарываться в снег, и, поверишь ли, метров около пятидесяти канавку себе проделал, и прямо под снегом полз. Мокрый совсем насквозь от пота стал и, главное, думал все время: успеть бы вовремя передать приказ, успеть бы, не сорвать бы удара! Как дополз до лесочка с пригорками, встал и пошел прямо к товарищу Карьялайнену. А когда полз, с правого бока рукой прижимал лыжи к телу и пользовался ими, чтобы пробивать перед собой снег. Так и полз. А выполз весь мокрый, ноги подкашиваются, сердце — как колокол. Из последних сил наддаю и прямо к командиру. Рапортую: «Командир приказал начинать наступление в пятнадцать сорок, по первым пулеметным выстрелам».

Посмотрел Карьялайнен на руку, на часы, и сейчас же командует: стр. 103
«Выступление, боевой порядок!» А тут и пулемет застрекотал. Вторая рота пошла на штурм. Забили наши пулеметы. Я попросил у командира разрешения пойти в атаку вместе с ротой, потому что я знал: если я

хоть десять минут без движения проведу на таком морозе — крышка! Ну, бой был как бой. Захватили деревню, и меня послали с донесением к начальнику.

Мы уже входили в деревню. Комроты-2 Карьялайнен подошел к начальнику и доложил:

— Деревня взята. Белые отступили в Писма-Лакшу, оставив в поле винтовки, патроны и пять человек убитыми. Раненых они взяли с собой. Следует отметить особо: первыми стали удирать их командиры-финны, увидев, что с фланга по перешейку ударила вторая рота. Мы, — здесь лицо командира вытянулось, — потеряли трех курсантов убитыми и имеем семь ранеными.

Я подошел быстро к дому, куда уже успел собрать наших раненых. Большинство были ранены легко и сами могли передвигаться.

На кладбище, около самой церкви, несколько курсантов, чередуясь, старались выкопать в мерзлой земле братскую могилу.

Я нашел Лейно лежащим почти без движения на деревянном полу холодного дома.

Со мной был Армас.

Мы присели около нашего раненого товарища.

Матти и Армас, — говорил он тихим, едва слышным голосом, — вы были всегда моими самыми лучшими друзьями, и я знаю, что и сейчас вы очень будете жалеть о моей гибели. Да, мне очень не хочется умирать, я бы с удовольствием побродил еще по свету и подрался с этими лахтарями на снегах Суоми. Но я прошу вас о последнем одолжении. В моем животе сидит несколько пуль, мне очень больно, я умру часа через четыре-пять. И вот я прошу вас помочь мне: дайте мне малую дозу смертельного яда. Помогите мне в последний раз!

— Я доложу об этом начальнику, — сказал я.

Антикайнен, узнав о положении Лейно, взволновался и даже стал заикаться в разговоре со мной.

Просьбы он выполнить не мог.

Через несколько минут Лейно умер.

— Прощай, Лейно, — сказал я.

— Прощай, Лейно! — печально повторил Армас и сжал кулаки. — Мы за тебя, обещаю, не один десяток лахтарей спровадим к богородице.

И он вскочил и сразу выбежал в сени.

Суси занес в дневник имя четвертого погибшего в этот печальный для нас день.

Я вышел в сени. Лицом к бревенчатой стене, упершись в нее локтями, стоял Армас. Он вздрагивал, не умея и, очевидно, не желая сдерживать рыдания. У меня сжало горло, и мне тоже захотелось плакать горько, безутешно, как маленькому ребенку.

Я вышел скорее на улицу.

Меня колотило.

Звезды высыпали на синее просторное небо. Месяц, как нарисованный, зацепился за крест колокольни. Лопаты скребли землю.

Сколько проклятых лахтарей ходят живыми по этой мерзлой земле, а мой лучший друг Лейно, наш боевой товарищ, коммунар Лейно, коченеет сейчас мертвый в избе!

Эту ночь я не спал. Я перебирал в памяти и нашу встречу, и рассказы Лейно, и дружбы нашу.

В другом конце избы так же безмолвно, так же бессонно томился Армас.

Что дальше?

Утром мы их хоронили. Мы стояли строем у могилы; позади толпились местные крестьяне.

Стоя на бугре уже замерзающей земли, у свежерытой могилы, произнес свою лучшую речь неутомимый организатор хельинского комсомола, строительный рабочий, пламенный наш начальник, товарищ Антикайнен:

— Вместе с павшими товарищами мы организовали комсомол Финляндии, вместе с оставленными здесь навсегда товарищами мы дрались в рядах нашей Красной гвардии с проклятыми лахтарями, вместе с ними мы били лахтарей в Карелии, и во всех боях, что предстоят нам впредь, их имена будут в наших сердцах, их подвиги — нам примером, и героическая их смерть за дело революции будет возбуждать в нас восхищение. Ровно четыре года назад, двадцать седьмого января, на башне Рабочего

дома в Хельсинки зажегся красный огонь — сигнал восстания. Неугасимо горит он в наших сердцах. Мы обещаем вам, товарищи, что каждый из нас отдаст свою жизнь за победу трудящихся не дешевле, чем отдали вы свою... стр. 105

Я знаю, что и сотой доли огня, с которым говорил товарищ Антикайнен, и того внимания, с которым мы слушали эту надгробную речь, нет в этих моих слабых, неточных словах. Но когда я сейчас вспоминаю, то снова начинаю волноваться.

Это было десять лет назад — тот самый день, когда мы опускали их в мерзлую могилу. И я снова вижу, как тело Лейно, слишком длинное, не входит в могилу и, окоченелое, не хочет сгибаться и как Армас, стоя внизу, в могиле, принимает его; и я не могу больше говорить спокойно и призываю вас всех, товарищи, помнить о прощальной речи товарища Антикайнена, в которой он поклялся, что ни один комсомолец, ни один коммунист, ни один красноармеец не забудет никогда своего долга перед революцией.

И мы пошли в Кимас-озеро.

Дальше я не принимали участия в действиях отряда. Пусть о взятии Кандалакши, пусть о дальнейшей работе отряда, о стойкости Армаса, об отчаянной смерти замученного лахтарями Яскелайнена, о трофейном олени лахтарской почты, привезенном в Ленинград, расскажут сами участники.

Они подтвердят, что приказ революции мы выполнили.

Рана, проклятая рана лишила меня возможности идти вместе с отрядом дальше, и я пошел обратно, но уже по дорогам, по этапам, и через десять дней лежал в лазарете Интернациональной школы, пройдя на лыжах тысячу семьдесят километров.

Глава дополнительная

Рассказ Армаса

В последней главе мой кровный товарищ Матти говорит, что после взятия Барыш-наволока он пошел в тыл, и просит других товарищей досказать о походе нашего лыжного батальона финнов Интернациональной школы.

Я откликаюсь на его призыв и расскажу про один эпизод, который случился с нами через неделю после ухода Матти.

Сегодня выходной день, и для этого письма я урвал три часа от моей работы по лесозаготовкам, на которые мы, выполняя решение партии и Советской власти, сейчас нажимаем изо всех сил. Мы тут разбились на бригады, ввели прогрессивную сдельщину и теперь по валке и вывозке древесины, измеряя фестметрами, побиваем на нашем участке канадские рекорды, и я заверяю через газету, что на нашем участке план будет перевыполнен досрочно. Но я возвращаюсь к сути дела. стр. 106

Меня зовут Армас. Я — тот самый Армас, который научился ходить на лыжах во время этого неповторимого лыжного рейда Интернациональной военной школы.

Все дело было так. Я был командиром отделения в разведке.

Темная январская ночь. Звезды ярко блестели на черном зимнем, холодном небе — заняли свои места согласно астрономической инструкции.

Уходя в разведку, я отдал Аалто свои серебряные часы, которые получил за дела на колчаковском фронте. В случае чего пусть лучше товарищ попользуется, чем лахтарь.

Мы вышли из леса, который, не прерываясь, преследовал нас уже пятьдесят километров, и легко вздохнул, нащупав на поле дорожку.

Дорожка вела, очевидно, к деревне, которая нанесена на карте в десяти километрах от места выхода из леса.

Было отчаянно тихо.

Слышен был скрип наших верных лыж и тихое наше дыхание. Мороз стоял не меньше чем тридцать пять градусов.

И вот в темноте ночи глаза мои разглядели шесть черных точек, шесть фигурок на лыжах.

Мы осторожно подобралась поближе, и только на расстоянии полукилометра они заметили нас и стали уходить.

Мы отлично видели, что у них были винтовки.

Наших сил здесь не было и быть не могло. Мы были первые бойцы Красной Армии в 1922 году в этих краях. Стало быть, это лахтари.

— Мы стрелять не можем: если вблизи у них крупные силы, они насторожатся. Захватим их в плен живьем! Их шесть, и нас шесть. Но мы коммунисты, у нас инициатива и опыт.

Говорю это я своим ребятам, а сам примеряю, правильно ли закреплен стр. 107 ремень, не будет ли убежать от меня на полном ходу лыжа.

— Вспомните о товарище Яскелайнене, — говорю, — и вперед!

И мы рванулись вперед.

Видим: неприятельский дозор повернул. Уходят от нас.

Ну, думаю, раз они не стреляют, тревоги не поднимают — значит, никаких сил лахтарских в деревне нет; значит, тем более мы обязаны их живьем товарищу Антикайнену доставить.

И командую:

— Ходу!

Мы идем полным карьером, и я уже начинаю терять дыхание, но расстояние между нами и лахтарями почти не сокращается, потому что они здорово на лыжах бегают.

Я вспоминаю дорогого Лейно и смерть Яскелайнена и начинаю волноваться, и шире расставляю ноги, и сильнее отталкиваюсь палками, и, заставляя себя дышать ровнее, бегу вперед. Меня обгоняет в этом быстром беге товарищ.

...Товарищ Яскелайнен был в разведке и попался лахтарям в плен. И мы нашли его на снегу с выколотыми глазами, с отрезанным языком... Голубые глаза Яскелайнена завораживали девушек. Острый язык Яскелайнена веселил ребят. И вот он лежит без шлема у наших ног, без

дыхания, наш дорогой друг, таммерфорсский красногвардеец, токарь Яскелайнен...

И я бегу вперед, сгибаясь в три погибели, отталкиваясь двумя верными палками, скользя по уже проложенному первым товарищем следу.

Мы с размаху входим в следы лахтарей и уже бежим по этим горячим следам, и тишину морозной ночи нарушают мерное дыхание и разнобой сердец.

И уже видна деревня, куда бегут от нас лахтари.

Она темнеет у горизонта, как низкорослый лесок, и не играет ни одним одним огоньком. И мы все-таки приближаемся к лахтарям.

Расстояние между нами сокращается. Вся одежда делается липкой от пота; пот тяжелыми каплями скатывается со лба и, отягощая ресницы, слепит глаза.

«Мы по этому следу пойдем обратно к отряду, захватив пленных», — мелькнула у меня мысль, и я на ходу освобождаю руки из рукавов овчинного полушубка, рву пуговицы, и вместе с балахоном он падает на снег. И мы мчимся дальше.

Враги все чаще оглядываются на нас. Теряют темп, теряют дыхание... Мы их явно настигаем.

Я бросаю шлем на снег и с обнаженной головой иду вперед.

стр. 108

Иду таким шагом, что сердце бьет, как колокол.

Ремень винтовки начинает снова резать плечо — он попал на стертое место. Но нет времени поправить ремень, и мы мчимся вперед. И дыхание у каждого из нас как паровозные дымки. Мы настигаем лахтарей.

До деревни осталось метров двести, до лахтарей — метров сто.

Они продолжают уходить, и вот мы уже пролетели околицу.

Мы влетаем, разбрасывая палками снег, на главную улицу деревни, а лахтари продолжают удирать — правда, замедляя бег. Между нами уже расстояние в пятьдесят метров.

— Бери их! — кричу я и вдруг вижу: у стены ближайшего дома стоит дюжина пар лыж.

Лыжи прислонены к стене, а рядом торчат воткнутые в снег палки. Значит, в избе спят несколько лахтарей. Смотрю налево и вижу: там, у избы, тоже стоят лыжи.

И я смотрю вперед и, насколько мой глаз в темноте различает, вижу прислоненные к стенам изб лыжи.

Так лыжи ставят, не внося в избу, чтобы они в тепле не разогрелись и снег не налипал бы, когда после, утром, снова придется надеть их.

«Да здесь никак не меньше сотни лахтарей! Даже гораздо больше».

Быстро соображая, вижу, что неприятельский дозор заманил нас в западню. И мы попали в капкан, как хитрый песец.

Я смотрю вперед и замечаю, что обогнавший меня товарищ тоже сообразил, в чем дело, и замедляет ход. Я оглядываюсь и чувствую: товарищи еще не понимают, что мы в западне.

И тогда я командую:

— Гранаты!

У каждого из нас по четыре гранаты у пояса. Мы все срываем гранаты с поясов.

И еще командую:

— Швырай гранаты в окна!

И мы летим на лыжах по дороге, как гроза, как дьявольское проклятие, и каждый бросает гранату в окно, в избу.

И звенят, рассекая морозную тишину январской ночи, разбиваемые стекла. И слышатся короткие вспышки рвущихся в избах гранат. И, разбуженные взрывами, ничего не понимающие, перепуганные до смерти, ругаясь и проклиная все, что можно проклясть, выскакивают в дикой панике из изб лахтари. стр. 109

Полуодетые, забывая винтовки, не успевая схватить лыжи, они в полном беспорядке бегут из деревни — за околицу, по задам, за бани...

У меня истрачена последняя граната; я прислоняю свое лицо к раме разбитого окна и вижу невообразимую сумятицу в избе.

И вдруг возникает в деревне беспорядочная стрельба.

Я вскидываю винтовку и стреляю через окно в избу.

Затем вижу егеря в полной форме. Он кричит на бегущих в панике солдат своей лахтарской армии, он пытается остановить их, кричит им:

— Карельские свиньи, трусы!

Я спокойно беру его на мушку — и нет егеря.

Стрельба затихает. Неужели я еще жив? Неужели я даже не ранен?

И снова становится отчаянно тихо, только слышен далекий скрип чьих-то лыж.

И слышен еще около опушки взволнованный голос офицера. Он пытается собрать свои силы.

Его голос дребезжит в тишине ночи:

— Скоты, их всего несколько человек! Приказываю остановиться!

Вдруг слышу оглушительный голос Аалто:

— Первая рота курсантов Интервоеншколы остается в деревне! Вторая рота через пять минут выступает! Третьей оставаться в боевой готовности!

Сердце мое бьет в грудь, оно подступает, кажется, совсем к горлу.

Молодец Аалто! Он всегда найдет что сказать.

Итак, каждая наша рота равна двум курсантам.

Я бегу вперед, и с разбегу правая лыжа натывается на что-то мягкое. Валиюсь в снег. Вылетаю из валенок. Пяточные ремни были закреплены слишком хорошо, и если бы я не вылетел из валенок босыми ногами в снег, был бы обязательно вывих.

Лыжа моя сломана. Но я не унываю. Я жив.

Неприятель потерпел поражение, и на выбор — несколько сот пар отличнейших финских лыж.

Споткнулся я о тушу зарезанного барана.

Только теперь я замечаю своих ребят — они шатаются от усталости. стр. 110
Одного нет.

Только теперь я вижу, что вдоль деревенской улицы валяются туши зарезанного скота — бараны, овцы, коровы.

— Где Каллио? — спрашиваю я.

— Убит, — отвечает Аалто. — Навылет. — И затем громко кричит:
— Командиры взводов и отделенный, ко мне!

Скоро придут наши, нам только бы продержаться два часа.

Где-то, совсем уже далеко, слышна резкая команда офицера.

Ему, кажется удалось собрать часть своих мясников.

— Я думаю, что сейчас они сюда не сунутся.

— Хорошо бы так! — отвечаю я.

И мы все занимаем места, где нас не видно, а мы видим всю улицу. Тут я замечаю, что на мне нет шлема и полушубка, и мне делается холодно.

Я вхожу в избу. Пол от взрыва раскорезен.

Здесь полушубков хватит. И ружей тоже.

Все в порядке.

Я надеваю полушубок, шапку и выхожу.

Через три часа пришел наш батальон, и мы заснули мертвецким сном.

Разбудил меня Аалто. Он долго тормозил меня за плечо.

— Возьми обратно свои часы, — сказал он и всунул мне их в руку.

Они стояли: Аалто забыл их завести.

Утром мы получили выговор за то, что, будучи в разведке, вступили в бой с неприятелем, и благодарность — за то, что, имея в своем составе шесть человек, выбили из села часть противника в триста приблизительно штыков.

Я говорю «приблизительно» потому, что лыж было около четырехсот пар, а из местного населения никого не удалось опросить — все оно было угнано в Финляндию три дня назад. В деревне остались несколько баб, больных да старик. Скот, который нельзя было угнать, лахтари зарезали и разбросали туши на улице. Они открыли крышки картофельных ям, чтобы поморозить весь картофель.

Да, чуть не забыл сказать, что в деревне оставлено было пятеро маленьких ребят. Я кормил их сахаром из тряпочки и достал для них лахтарские полущубки. Мне поручили охранять и кормить их до прихода главных частей с обозами. Сдав их в обоз, я пошел догонять свою часть.

Так я превратился на время няньку (чему бы я никогда не поверил, если бы мне кто-нибудь рассказал раньше), как бедный Лейно был повивальной бабкой. Про нравы и обычаи этих ребят я мог бы рассказать стр. 111 много интересных подробностей. Они теперь, наверно, пионеры.

Но меня торопят лесные дела, а дел этих уйма, и непорядков, которые надо ликвидировать, чтобы выполнить план лесозаготовок, еще много.

Я еще раз заверяю, что план в моем районе будет перевыполнен.

С товарищеским приветом Армас.

1932

Рассказ красноармейца, которому в 1922 году было девять лет

Я — красноармеец призыва 1934 года.

В январе 1935 года мы решили пройти по следам рейда Интернациональной военной школы.

Нами командовал товарищ Антила, награжденный орденом за взятие Кимас-озера. В 1922 году товарищ Антила был курсантом, а теперь он вел нас. Сейчас товарищ Антила генерал-майор. Из старых участников были Ояла и еще человека три-четыре а затем шли мы, молодежь. Шестьдесят один боец с полной выкладкой и с запасом питания на трое суток. Строем, с пулеметами, проходили в среднем около шестидесяти километров в день по снежной целине. Честное слово! Прочитай наш рапорт наркому.

Нас встречали в деревнях рапортами о своих достижениях местные колхозники. Среди них старики и старухи. В одном райисполкоме был председателем бывший курсант — участник рейда. Короткий митинг — и дальше в путь. В одной деревне выслали навстречу, за десять километров, сани — нет ли у нас больных, чтобы подвезти... Ну конечно, больных не было. За время похода все даже прибавили в весе, честное слово!

Около одного села нас встретил старик, который был проводником отряда в 1922 году; и, представь себе, в тот раз он заблудился в восьми километрах от деревни, и теперь снова, на этом же самом месте, он остановился, не зная, куда нас вести... Ну, мы-то дорогу нашли.

Местами мы находили путь по зарубкам, сделанным ребятами в первом рейде. Огромные глухари с любопытством смотрели на нас и не хотели сниматься с ветвей; когда мы их пугали криком, снежками, они

только с любопытством наклоняли голову, в упор смотря на красноармейцев.

— Сколько вы их подстрелили? — спросил после у нас командующий войсками округа.

— Ни одного, товарищ командующий, — сказал Ояла. — В такой птице больше пяти кило, и надо было бы тащить ее на себе до ближайшего привала, километра двадцать–тридцать... Ни одной не подстрелили. стр. 112

А как нас встречало население! Совсем как на прошлогодних маневрах. Тогда наша часть должна была пройти через одну деревушку, не задерживаясь, бегом... Так вот, колхозники узнали об этом, и, когда мы пробегали через деревню, у всех изб, у изгородей вдоль дороги стояли ведра с ключевой водой, с ковшиками: пей на ходу! А рядом с ведрами — крынки с топленным молоком. Кому что любо... Ну, мы, конечно, их не обидели — сколько могли, на ходу выпили. Угощение пришлось кстати.

Ну, а в нашем случае, конечно, о жаре приходилось только мечтать — морозы большие стояли.

Мы подходили к большой деревне, занесенной снегом.

— В этом деревне тринадцать лет назад я провел отвратительную ночь, — сказал мне наш командир, товарищ Антила. — В бою под Барышнаволоком меня ранили в руку. Вот, смотри, пальца как не бывало!... И тогда товарищ Антикайнен приказал мне идти обратно в тыл по лыжне, которую проложил отряд. Мне не хотелось возвращаться, но приказ есть приказ! И я пошел... И пришел я в эту деревню вечером. Постучался в одну избу — там мне даже и не ответили. Тогда я стукнул в окошко другой. Отворили дверь.

«Кто это?»

«Красноармеец».

Дверь захлопнулась перед самым моим носом. Я прошел без отдыха двадцать пять километров; раненая рука горела у меня. Я постучался в третью избу и сказал вышедшему на крыльцо старику:

«Я раненый, мне нужно только переночевать, к утру я уйду...»

Послушай, что он сказал:

«Если ты красный, а победят белые, мне придется плохо за то, что я пушу тебя переночевать. Если ты белый, а победят красные, разве они мне простят, что принял тебя? Иди-ка лучше прочь подобру-поздорову».

И я пошел, раненый и усталый, прочь от этого дома, проклиная несговорчивого старика.

И подумай только: во всей деревне никто не захотел пустить меня на ночевку! Злой и усталый, я забрался в темную холодную баню и кое-как провел в ней эту бесконечную зимнюю ночь...

Мы вошли в деревню. Здесь, по маршруту, намечен был большой стр. 113 привал. Посреди деревни стояли колхозники. Они отдали нам рапорт. Я тебе его покажу: он хранится у меня. Ояла сказал речь... Ну, что дальше говорить! Разобрали колхозники нас по домам. В каждом доме на столе дымился, уже поджидая нас, обед... Обед с нашим, красноармейским не сравнится, конечно, но кормили нас от всего сердца: уха, запеченная в тесте рыба, клюква, молоко... Все хозяйства готовились к встрече несколько дней, как к празднику. Все бани были жарко натоплены. Мы могли смыть с себя пот нелегких переходов.

Я попал вместе с товарищем Антилой в избу к председателю колхоза, совсем еще молодой женщине. Ее звали Марией. Осмотрели лыжи, сняли с плеч мешки и уселись за стол. Детишки с уважением ощупывали винтовку. Но не суждено было на этот раз нам спокойно пообедать. Только я поднес ложку ко рту, как дверь избы отворилась и в облаке пара ввалилась в горницу пожилая женщина. Подступая вплотную к хозяйке, она обиженно кричала во весь голос; казалось, вот-вот она вцепится ей в волосы.

— Послушайте, Мотя! Я здесь ни при чем, и правление колхоза тоже здесь ни при чем, — объясняла Мария.

— Как так «ни при чем»? — кричала женщина, ища у нас поддержки своим словам. — Что, разве я и мой мужик не люди? Разве мы не первые ударники — он у себя в конюшне, а я на ферме? За что же нас так оскорбляют? Такой обидой из колхоза выжить можно!

— Да брось ты! — уже начинала сердиться хозяйка.

— А чем тебя обидели? — спросил Антила.

— Да как же не обидели?! — не успокаивалась та, кого председательница называла Мотей. — Разве я хуже других? По такому случаю даже блинов напекла, избу прибрала, баню истопила, лучше платье надела. Жирные щи на стол поставила. И вот тебе — не хватило на меня, говорят! Мужик до того осерчал, что из дому сразу к коням побежал. Кони, говорит, лучше, чем люди...

— Чего же тебе не хватило? — спросил я обиженную женщину.

— Как — чего? Красноармейца! Каждому дали, в каждую избу привели, а мы с мужиком хуже всех, выходит? Так, что ли, понимать прикажете?

— Ну, это дело поправимое, — сказал командир и приказал позвать из соседней избы красноармейца.

В соседней избе дело шло проворнее, чем у нас: там уже кончали стр. 114 обедать.

— Вы меня звали, товарищ командир?

— Да. Пойдите к этой колхознице и пообедайте у нее. Будьте ее гостем.

— Товарищ командир, я только что обедал... Второй обед тяжело. Нам ведь скоро уходить. Я боюсь — отстану от товарищей.

Но Мотя уже схватила за рукав незнакомого ей красноармейца и тянула его к двери.

— То-то обрадуется мой муженек! — уже довольная, сказала она.

— Я вас назначаю, как в наряд, — проговорил Антила вдогонку красноармейцу. — Твою винтовку этот переход я сам понесу, — сказал он, переходя с официального тона на дружеский.

Затем он встал из-за стола и прошел вслед за ушедшим в сени. Через минуту я вышел за ним. Антила стоял, прислонившись к свежесрубленной стене.

— Послушай только, — сказал он мне, — и это происходит в той же самой деревне!

Голос его был неровен. Когда он прикуривал от моей папиросы, я заметил, что рука его дрожит и глаза влажны. Честное слово!

Я очень прошу тебя, не спрашивай его про это. Он рассердится и ответит, что глаза его были влажны только два раза в жизни: первый — когда в глаз попала паровозная искра, и второй — когда он узнал, что умер товарищ Ленин.

1932